

ПАВЛО МАКРУШЕНКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ

МОЛОДЕЖНАЯ

Х С Е Р И Я

Павло М а к р у ш е н к о

ВОЗВРАЩЕНИЕ

П о в е с т ь

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1967**

Писатель Павло Макрушенко — комсомолец двадцатых годов. Молодой читатель знает его по книгам «Минька», «Личный пакет», «Елка в Горках», «Все! Все! Все!», «Рассказы об Ильиче» и другим.

В новой повести «Возвращение» Павло Макрушенко описывает возвращение В. И. Ленина на Родину в апреле 1917 года. Этот период еще мало освещен в литературе. Автор показывает жизнь Ленина за рубежом. В книге есть главы о проезде Ленина и его спутников в закрытом вагоне через воюющую Германию, о радушной встрече со шведскими друзьями, о приезде Ленина на родную землю после многих лет изгнания и встрече его с пролетариатом Питера на Финляндском вокзале.

В России революция!

В

сибирской ссылке Владимир Ильич Ленин гулял как-то ночью со своим другом Глебом Максимилиановичем Кржижановским по берегу широкого Енисея. Стоял трескучий январский мороз. Вокруг бескрайние, залитые лунным светом снега. Шли и мечтали о возвращении на волю, о новой борьбе с царским самодержавием. Глядя на безмолвные леса, Кржижановский читал стихи:

И виден лес в тиши глубокой.
Луна мерцает сквозь дерев,
И тени длинные стволов
По снегу стелются. Далеко
В лесную глубь уходит взор...

— Николай Платонович Огарев, — сказал Ленин.

— Не сомневался, вы знаете автора стихов.

— А вы, Глеб, вспомнили Огарева, чтоб найти аналогию моим мыслям?

— Да, Огарев тоже издавал за границей запрещенную литературу и тайно переправлял ее в Россию.

— Не вижу сходства, — возразил решительно Ленин. — Я мечтаю не о запретной литературе для России. Нам нужна газета. Понимаете, Глеб, га-зе-та! Общерусская политическая газета, которая бы свободно выходила и была тесно связана со своими местными партийными группами.

— Отлично понимаю. Но такую газету выпускать в России нельзя.

— Именно! Боевая партийная газета должна быть свободна от постоянного цензорского надзора, она будет вроде строительных лесов, с помощью которых мы и создадим революционную организацию пролетариата...

Вернулся Ленин из ссылки и вскоре уехал за границу, создавать задуманную партийную газету. Это было в начале 1900 года. А в декабре того же года вышел первый номер газеты «Искра», напечатанный в типографии Лейпцига.

В статье для первого номера «Искры» Владимир Ильич сформулировал основную задачу газеты — создание крепкой, организованной марксистской партии, неразрывно связанной с рабочим движением. Без такой партии «рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства».

У газеты были в России свои корреспонденты, которые писали о тяжелом положении рабочих и крестьян. Агенты «Искры» перевозили газету в Россию, а здесь ее перепечатывали тайно в нескольких городах и распространяли в народе.

С помощью «Искры» Ленин и его товарищи по борьбе создали в России партию рабочего класса. Трудное было время. Многие читатели ленинской «Искры», ставшие ре-

волюционерами, заплатились за это своей жизнью. Но на их место приходили новые борцы. Тогда-то Ленин и написал в брошюре «Что делать?»:

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем».

Несмотря на трудности, Ленин и его товарищи создали партию, названную потом партией коммунистов, боролись за ее единство, неустанно готовили народ России к революции.

В разных странах приходилось жить В. И. Ленину и Н. К. Крупской. Жили в Англии и во Франции, в Швеции и в Швейцарии, в Германии и в Польше, бывал Владимир Ильич в Финляндии и в Италии...

В январе 1916 года Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская приехали в Цюрих. «Приехали позаниматься в здешних библиотеках», — писал Владимир Ильич своей матери Марии Александровне. А несколько позже он пишет сестре Марии Ильиничне: «...В Цюрихе библиотеки лучше и работать удобнее».

Цюрих — удивительный город контрастов и противоречий. В нем есть тесные кварталы бедноты, названные Старым городом. А на берегу живописного Цюрихского озера загляделись в зеркальную водную гладь особняки богатеев, конторы банков и фирм, многочисленные кафе и рестораны, раскинулись красивые скверы и парки.

Ленин и Крупская поселились в доме № 14 на кривой и мрачной улице Шпигельгассе — в центре Старого города.

Они сняли на третьем этаже маленькую комнату у сапожника по фамилии Каммерер. Вся обстановка комнаты — две узкие железные кровати да простой дощатый стол, на котором постоянно лежали стопки книг и газет. Часть газет и папок с бумагами сложена в углу комнаты

прямо на полу. Единственное окно выходит на грязный двор.

За 28 франков в месяц, которые Ленин платил сапожнику, можно было бы найти комнату получше. Но Владимиру Ильичу очень нравятся хозяева и приветливые соседи, такие же простые труженики, как и сам Каммерер. И, пожалуй, самое главное — квартира Каммерера находится вблизи трех библиотек города. Основное занятие Ленина в этом городе — работа над книгой и, как всегда, напряженная политическая деятельность.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна регулярно бывают в Народном доме Цюриха на собраниях местной партийной организации социал-демократов. Они приходили заранее и садились на одни и те же места в первом ряду, внимательно слушали. Ленин и сам не раз выступал здесь. Принимал участие в дискуссиях, которые модны были тогда у швейцарской молодежи.

В Белом зале Народного дома Владимир Ильич выступал с докладом о революции 1905 года в России. Одно время Ленин даже руководил политическим кружком молодежи Цюриха. Как официальный представитель Центрального Комитета партии большевиков России Владимир Ильич принимал участие в работе съезда швейцарской социал-демократической партии и даже подготовил проект программы для швейцарских рабочих.

Устроились в Цюрихе довольно сносно. Да вот нужда одолевала. Существовали на средства, заработанные литературным трудом. А за последние годы печатать статьи и книги удавалось все реже и реже...

Владимир Ильич вынужден отказывать себе во всем. Он не имеет возможности даже газеты выписать и просит сестер посылать ему три-четыре раза в месяц уже прочитанные ими русские газеты.

«О себе лично скажу, что заработок нужен, — пишет Владимир Ильич в одном из писем. — Иначе прямо

поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить *си л ко м* деньги от издателя... коему посланы две мои брошюры (пусть платит; *т о т ч а с* и побольше!)... То же — насчет *п е р е в о д о в*. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне».

Не хватает денег и на еду. Приходится самим готовить или брать обеды в скудной эмигрантской столовой.

Однажды Владимир Ильич вернулся из библиотеки с букетиком фиалок. Он любил дарить жене цветы. Даже в сибирской ссылке почти никогда не возвращался с охоты без букета лилий, которые в изобилии растут на склонах Саян. Или срывал веточку азалии. Она настолько нарядна, что из-за цветов не видно листьев. А когда жили в Поронине, не упускал случая принести подснежники. В Париже ездил на велосипеде за несколько километров в лес, чтобы набрать фиалок. В горах Швейцарии отыскивал сказочные эдельвейсы, похожие на серебристые звездочки. А сегодня купил на улице фиалки — первые весенние цветы.

Надежда Константиновна взяла букетик и, не успев поблагодарить внимательного мужа, вскрикнула:

— Ой! Я, кажется, опять яичницу сожгла!

Она бросилась на общую кухню, принесла сковородку с подгоревшей яичницей и поставила ее на стол. А рядом — цветы.

— Ты, Надюша, делаешь большие успехи в области кулинарии, — сказал Владимир Ильич, садясь за стол.

— Все смеешься.

— В самом деле, Надя, ты мастерица. Я насчитал уже двенадцать видов яичниц, которые ты умеешь готовить. Тебе может позавидовать любой кулинар.

— Горелую яичницу ты тоже считаешь самостоятельным блюдом?

— В некотором роде.

— Тогда откуда ты насчитал двенадцать?

— Изволь: четыре вида омлета. Потом — яичница-глазунья, яичница с перцем, яичница с помидорами, яичница с луком...

Владимир Ильич принялся за еду, а Надежда Константиновна продолжала считать в том же шутовском тоне:

— Яичница пересоленная, яичница недосоленная, яичница порелая...

— А яичницу с фиалками ты не считала?..

Пообедали.

Надев свое поношенное демисезонное пальто и прубые крестьянские сапоги, Владимир Ильич собрался идти в библиотеку. Он отправлялся туда по утрам и сразу после обеда, как на службу. Исключением были четверги. В эти дни библиотека по вечерам не работала.

Сапоги сшил Ленину хозяин квартиры еще зимой для прогулок в горы. Для этого мастер подбил сапоги толстыми гвоздями. Но Владимир Ильич ходил в них и по городу, постукивая о каменные плиты тротуара...

— Подожди меня, Володя. Я вымою посуду и пойдем вместе, — попросила Надежда Константиновна.

Вдруг раздался необычный, громкий и торопливый, стук в дверь. Затем она тотчас же распахнулась, и в комнату, запыхавшись, вбежал польский эмигрант Мечислав Бронский. Забыв снять шляпу и поздороваться, он крикнул, задыхаясь от радости и волнения:

— Свершилось!..

Схватившись рукой за сердце, Бронский медленно опустился на стул.

Все трое отлично поняли, что свершилось.

Революцию в России ждали, и Владимир Ильич спросил так же коротко:

— Какие есть сообщения?

— Экстренная телеграмма на газетной витрине.

Побежали к Цюрихскому озеру. Там на берегу обычно вывешивались под специальным навесом только что вышедшие газеты. А иногда и особо важные телеграфные сообщения.

У газетной витрины толпа — не протиснуться. Ленин с трудом пробрался к газете «*Нее Цюрихер цейтунг*» и несколько раз прочитал сообщение из Петрограда, напечатанное под крупным заголовком во всю первую полосу: «*Революция в России!*»

— Домой! Немедленно в Россию! Сейчас наше место там! — были первые слова Владимира Ильича, когда он вернулся к Надежде Константиновне, которой так и не удалось пробиться к витрине.

— Что там пишут?

— В Питере всеобщая забастовка. Между рабочими и полицией столкновения. Солдаты, посланные на помощь жандармерии, переходят на сторону забастовщиков. Они совместно создали Совет рабочих и солдатских депутатов...

— А царь?

— Никаких сведений нет. Неизвестно, отрекся царь от престола или нет. Не сомневаюсь, шайка Романовых будет маневрировать. Нам надо немедленно ехать в Россию...

Неслыханная сенсация взбудоражила весь Цюрих. К газетной витрине спешили со всего города. Сюда бежали и те, кому удалось приобрести газету. Ждали новых сообщений, подробностей.

Вскоре на набережной озера собрались тысячи людей. Шло жаркое обсуждение событий в России. Строились догадки: чем это кончится?

Ленин, Крупская и Бронский ходили по улицам Цюриха до поздней ночи. Они ждали экстренного ночного выпуска газеты или новых телеграмм на витрине с подробностями революции в России. Но ничего не было.

Бронский пошутил:

— А может быть, вся эта сенсация о революции — «утка», и завтра в газете появится опровержение?

— Вряд ли. Такими вещами не шутят! — сказала Надежда Константиновна.

Ленин не ответил на шутку Бронского. Он целиком был погружен в свои мысли. Так молча направились домой. По пути зашли на почту, Владимир Ильич вынул из кармана вышедшую в Цюрихе листовку «Против лжи о защите отечества», в создании которой принимал участие, решив послать ее Инессе Арманд. Но прежде чем запечатать конверт, написал короткое письмо:

«Мы сегодня в Цюрихе в агитации: от 15.III есть телеграмма в «Zürcher Post» и в «Neue Zürcher Zeitung», что в России 14.III *победила* революция в Питере после 3-дневной борьбы.

Коли не врут немцы, так правда.

Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно.

Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!»

Владимир Ильич проводил Надежду Константиновну домой, а сам, уже совсем поздно ночью, вернулся на набережную. Он опять подошел к газетной витрине. Новых телеграмм не было. Вновь прочел прежнее сообщение — может быть, уже в десятый раз. Ему показалось, что он узнал дополнительные подробности. По примеру Питера забастовали рабочие Москвы, Киева и других промышленных центров. Следовательно, там тоже создаются Советы депутатов. А это очень важно.

Бессонная ночь целиком ушла на раздумья: как уехать? А утром он устремился к газетной витрине у озера, забыв даже позавтракать.

Он читает новые сообщения. В России создано Временное правительство. Возглавил его крупный помещик —

князь Львов. В списке министров — известные промышленники, банкиры и один адвокат — эсер Керенский.

— Меншевики и эсеры помогли капиталистам и помещикам создать свое, буржуазное правительство. Этого следовало ожидать. Значит, они постараются ликвидировать Советы, — сказал Ленин Надежде Константиновне, когда она, не усидев дома, тоже пришла на набережную.

Долгожданный час настал.

Теперь для Ленина главное — как можно быстрее уехать на Родину! Мысленно он уже там... Но пока нет никакой возможности попасть в Россию.

Швейцария, в которой Ленин жил и работал много лет, с этого момента стала для него своеобразной ловушкой. Она окружена со всех сторон воюющими странами. Франция и Италия не пропустят Ленина через свою территорию как опасного политического противника, выступающего все время против войны, которую они ведут вместе со своим союзником — Россией; Германия и Австрия воюют против России и тоже не пропустят Ленина. Создалось безвыходное положение. Лучше всего поехать бы через Англию. Владимир Ильич возлагал на этот путь большие надежды. Он пишет Инессе Арманд:

«Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать».

Позже в личном архиве Ленина было обнаружено неотосланное письмо без адреса. Обращаясь к неизвестному нам адресату, Владимир Ильич писал:

«Прошу сообщить мне по возможности подробно, во-1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии РСДРП (Центральный Комитет), на следующих условиях...».

В письме с ленинской точностью перечисляются все условия вплоть до расходов за проезд и на «телеграмму с оплаченным ответом».

И в то же время Ленин не был уверен в том, что англичане дадут свое согласие.

Владимир Ильич пишет новые письма, шлет телеграммы, советуется с друзьями, как уехать в Россию.

«Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся», — читаем в одном письме Ленина.

«...Какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время», — сетует Ленин в другом письме.

«...Он в начале революции в России производил впечатление льва, который рвался из своей клетки», — вспоминала потом Н. К. Крупская.

Ленин — член Заграничной коллегии Центрального Комитета партии, и его очень волнует, не пойдут ли питерские большевики на «единство» с теми, кто помог Временному правительству буржуазии захватить власть в России. Он призывает товарищей в Питере: ...«*Ни тени доверия и поддержки новому правительству...*» В. И. Ленин обращается с призывом непосредственно к питерским рабочим:

«Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказать*, что *мир* даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть».

И снова нет уверенности, дойдет ли письмо в Питер даже кружным путем. Ленин не успокаивается, отправляет в Стокгольм телеграмму на французском языке шведскому социал-демократу Лундстрему для передачи большевикам, отъезжающим в Россию из Швеции и Христиании (Норвегия называлась тогда Христианией):

«Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия... никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград.

Ульянов».

В эти дни Владимир Ильич напряженно ищет возможности уехать в Россию. У него возникают самые неожиданные проекты. Однажды, например, он говорит Надежде Константиновне:

— Ты знаешь, Надюша, выход есть. Я еду в Россию нелегально, с помощью контрабандистов.

— И как такое могло прийти тебе в голову? — возразила Надежда Константиновна.

А Владимир Ильич стоял на своем. Он попросил одного знакомого найти в Цюрихе людей, которые бы помогли ему уехать из Швейцарии нелегально. Тот отыскал дельцов, согласившихся провезти Ленина тайно до Берлина.

— А дальше? — спросил Владимир Ильич.

Проект отпал.

В следующий раз, после очередной бессонной ночи, Владимир Ильич рассказал Надежде Константиновне о новом варианте — лететь в Россию на аэроплане. Конечно тоже нелегально. Без посадки — через всю Европу...

Крупская посмотрела на Владимира Ильича, не понимая, всерьез он говорит или шутит. Но, убедившись, что Ленин рассказывает о своем новом плане вполне серьезно, она тоже серьезно и с укором ответила:

— Только бессонная ночь могла породить такой безрассудный план. Не понимаю, как можно было не подумать о последствиях этой затеи!

Заметив, что Владимир Ильич не придает значения ее словам, она привела свои доводы:

— Прежде всего, не такие мы богачи, чтобы закупить аэроплан. Даже если бы у нас была эта возможность, ты не подумал: хватит ли бензина, чтобы лететь без посадки из Швейцарии в Россию? Ты не подумал о большом риске: аэроплан могут сбить над воюющими странами. Ты не подумал и о том, где сядет в России твой аэроплан и что станет там с тобой и летчиком.

— Хорошо! Хорошо! Согласен. Все твои доводы вески! Я отказываюсь от этих планов. Не стану спорить. Но в Россию можно уехать гораздо проще и безопаснее — с паспортом какого-нибудь шведа. Швед не вызовет особых подозрений. А добыть паспорт шведа просто...

Излагая Надежде Константиновне свой новый замысел, Ленин не сказал ей о том, что он уже отослал в столицу Швеции — Стокгольм телеграмму, в которой просил большевика Ганецкого подтвердить телеграфом получение «очень важного письма», и теперь с нетерпением ждал ответа.

Однако и последний план показался Надежде Константиновне столь же неосуществимым, как и все предыдущие. Она сказала Владимиру Ильичу:

— Ты же не знаешь шведского языка!

— Не беда. Притворюсь глухонемым!

— Допустим. Тогда с тобой начнут разговаривать жестами по азбуке глухонемых.

Ленин ничего не ответил.

— Хорошо. Если ты не знаешь азбуку глухонемых, тебе станут задавать вопросы в письменной форме.

— А я неграмотный швед.

— В Швеции нет неграмотных.

Этим доводом Крупская поставила Владимира Ильича в тупик. Надежда Константиновна, зная ненависть Ленина к врагам рабочего класса — кадетам, спросила, сдерживая смех:

— Допустим, что с тобой никто не заговорит. Но вдруг в вагоне на пути в Россию тебе приснятся кадеты?

— Сволочи! Сволочи! О них я не могу спокойно слышать!

— Вот видишь! Таким образом ты сам себя и выдашь. Сразу узнают, что ты не только не глухонемой, но и не швед.

— Ты знаешь, Надюша, мы должны теперь уехать во что бы то ни стало, хотя бы через ад!..

А Ганецкий, как только получил по почте от Ленина книгу, сразу понял, что «очень важное письмо» Владимира Ильича надо искать где-то в переплете книги.

Так и есть! В переплете он нашел не только записку Ленина, но и его фотографию. Ильич писал:

«Ждать больше нельзя, тщетны все надежды на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию».

Прочитав записку Ленина, Ганецкий понял, с каким нетерпением рвется Владимир Ильич на Родину. Но найти глухонемого шведа, притом еще похожего на Ленина, — это почти невыполнимо. И тут Ганецкому неожиданно пришла в голову дерзкая мысль — опубликовать портрет Ленина: «Пусть все знают, кто вдохновлял русских рабочих и крестьян на свержение самодержавия!»

Фотография Ленина появилась на первой полосе шведской газеты «Политикен». А под снимком — статья Воровского: «Вождь русской революции».

Вацлав Воровский, живший тогда в Стокгольме, был всего лишь простым служащим электрической фирмы «Сименс — Шуккерт». Но друзья по эмиграции хорошо знали его как бесстрашного большевика, прошедшего через каторгу и ссылку, одного из верных учеников Ленина.

Это чувствовалось по статье Воровского, который говорил, что Ленин «один из самых талантливых вождей русской социал-демократии. Он вырос из массового рабочего движения и рос вместе с ним; вся его жизнь, все его мысли и действия неразрывно связаны с судьбами русского пролетариата. В счастье и в несчастье, в момент революционного триумфа и в долгие годы контрреволюционной

тирании он оставался верен интересам рабочего класса...».

В Стокгольме было много толков и смутных слухов вокруг имени Ленина. И теперь газета «Политикен» рассказывает о вожде русского революционного движения. Только сам Ленин, находясь в швейцарском городе Цюрихе, ничего не знает о публикации в газете. Не дождавшись от Ганецкого паспорта глухонемого шведа, Владимир Ильич шлет другое письмо — тоже секретное — В. А. Карпинскому, в Женеву:

«Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и Голландию) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно в горах, где за пансион *мы за Вас заплатим, разумеется.*

Если согласны, начните *немедленно подготовку* самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае.

Ваш Ленин»

Собираясь возвращаться на Родину под именем журналиста-большевика Вячеслава Карпинского, Ленин должен был предъявлять его паспорт жандармам и пограничникам трех государств — Англии, Франции и России, или, если ехать другим маршрутом, — Германии, Швеции и России. Нелегко было бы Владимиру Ильичу предъявлять всюду чужие документы и маскировать свою внешность париком... Не подумал он о главной опасности — Вячеслав Карпинский уже сидел в женевской тюрьме как русский революционер, был на учете в охране Швейцарии и, ко-

нечно, об этом известно на пограничных заставах, В. И. Ленина арестовали бы, как Вячеслава Карпинского.

Время тянется томительно долго. Один план Ленина отпадает за другим. Но он не теряет надежды и начинает собираться в дорогу. Каждую свободную минуту Владимир Ильич занят приведением в порядок основного своего богатства — литературного архива. Все бумаги раскладываются в особые конверты и папки. На них появляются надписи: «Дореволюционный и начало революции», «Послать в Питер через Стокгольм», «В архив (интересные)». На одной из папок надпись в квадратной рамке: «Старый материал до революции 1917...».

Все письма, телеграммы, записки, вырезки газетных статей, рукописи книг, материалы, собранные для будущей книги, общие тетради с записями, которые делались во время работы в библиотеке, Владимир Ильич делит теперь на три периода: дореволюционный, начало революции и после революции 1917 года.

Ленин знал, что в Питере возобновился выход большевистской газеты «Правда». Как он обрадовался возможности поговорить с народом России через газету, помочь питерскому пролетариату разобраться в сложной обстановке создавшегося в стране двоевластия: Временного правительства буржуазии и Совета рабочих и солдатских депутатов. Владимир Ильич посылает в Питер для «Правды» серию статей, названных «Письмами из далека».

«В этих письмах отразилось особо ярко то, о чем думал Ильич в последнее время перед отъездом. Особо запомнилось, что говорил тогда Ильич о милиции. Этому вопросу посвящено третье письмо, — вспоминала потом Н. К. Крупская. — Эта милиция, кроме своих военных обязанностей, должна осуществлять правильную и быструю разверстку хлеба и других припасов, осуществлять санитарный надзор, следить за тем, чтобы всякая семья имела хлеб, чтобы всякий ребенок имел бутылку хороше-

го молока... чтобы дворцы и богатые квартиры не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим».

Владимир Ильич писал в этой статье:

«Кто может осуществить эти меры, кроме всенародной милиции с неперменным участием женщин наравне с мужчинами... Такая милиция втянула бы подростков в политическую жизнь, уча их не только словом, но и делом, *работой*».

Шесть дней, вернее суток, напряженно работал над письмами Владимир Ильич. Он даже отказался в эти дни выступить в Женеве перед русскими эмигрантами и социалистами Швейцарии с докладом о задачах партии в революции и написал Вячеславу Карпинскому:

«Ни на реферат, ни на митинг я теперь не поеду, ибо надо писать ежедневно в «Правду» в Питер».

А как надежнее и быстрее отправить письма из Цюриха в Питер? Надеяться на почту нельзя. Все, что писал Ленин или адресовалось ему лично, цензура задерживала на границе. Приходилось отправлять письма в Россию только через верных людей, умеющих прятать «запретное» при переезде через границу.

Узнав, что в ближайшие дни Александра Коллонтай из Христиании едет в Питер, он тут же отправил в ее адрес первые два письма. А для страховки послал на имя Якова Ганецкого письмо, в котором просил узнать, получила ли Коллонтай его пакет. «Если же нет, прошу Вас, будьте так добры, во-первых, проверить, хорошо ли работает в Христиании аппарат пересылки; во-вторых, если надо, перешлите все *сами*».

Через неделю Ленин получил одновременно две телеграммы:

«Две статьи-письма получила. Восхищена Вашими идеями», — сообщала Александра Коллонтай.

«Письма получил, пересылка обеспечена. Александра едет завтра», — отвечал Яков Ганецкий.

Коллонтай благополучно провезла статьи Ленина через шведско-русскую границу, хотя английские жандармы — союзники России — и подвергли ее обыску. Она приехала в Петроград поздно ночью, а рано утром уже отнесла почту Ленина в «Правду».

Для отправки в «Правду» третьей и четвертой статей Ленина Ганецкий ловко использовал... дипломатических курьеров буржуазного Временного правительства. Считаясь официально членом Комитета по отправке политических эмигрантов в Россию, он сдал запечатанный пакет № 6839, адресованный Министерству иностранных дел в Петрограде. А там свои люди получили пакет и передали в «Правду».

Пятое письмо Ленин до отъезда не успел дописать.

Владимир Ильич беспокоился, получил ли Ганецкий его статьи, удалось ли их отправить в Питер, поэтому вновь запросил Ганецкого:

«...Я надеюсь, Вы получили мои «Письма из далека» №№ 1—4... Если эти письма пропали или не дошли до Питера, прошу телеграфировать мне, и я вышлю копии...

На сношения Питера с Стокгольмом не жалейте денег!!»

Вместо ответа от Ганецкого Владимир Ильич получил посланную из Петрограда через Стокгольм телеграмму от сестер:

«Полученные статьи напечатаны. Полная солидарность. Отсылайте статьи Коллонтай».

— Это, видимо, первые две статьи, которые посланы через Александру Михайловну. Значит, она доехала благополучно. Прекрасно... — показывая телеграмму Надежде Константиновне, сказал Владимир Ильич.

Домой! Домой!

очта в Цюрихе развозилась два раза в день: утром и вечером.

В кожаной сумке высокого, усатого, с бакенбардами почтальона, разъезжавшего по городу на стареньком велосипеде, всегда было что-нибудь для русского эмигранта Ульянова: письма, бандероли с газетами и книгами, изредка — небольшой денежный перевод.

В последние дни Владимир Ильич с особым нетерпением ждал писем от товарищей и стал сам заходить на почту. Владимир Ильич появлялся в почтовом отделении и, сняв шляпу, еще не успевал спросить свою корреспонденцию, как молоденькая девушка пожимала плечами и говорила, как бы извиняясь:

— Сожалею, мсье, сегодня для вас ничего нет.

Мадемуазель, выдававшая корреспонденцию до востребования, знала фамилию русского в поношенном пальто. Она догадывалась, что он ждет что-то очень важное...

Еще бы! После длительных и мучительных поисков возможности уехать в Россию возник план поездки через Германию. Его предложил один из лидеров меньшевиков — Л. Мартов. Владимир Ильич узнал об этом от Вячеслава Карпинского и тут же ответил ему:

«План Мартова хорош: за него *надо* хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого прямо. *Нас* заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п., что и в Женеве можно сделать) с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше учас-

тие испортит все. Но план, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен».

Вскоре по поручению Ленина секретарь швейцарской левой социал-демократической партии Фриц Платтен встретился с немецким послом в Берне фон Ромбергом и поставил перед ним вопрос: согласно ли германское правительство пропустить через свою территорию русских эмигрантов в обмен на немецких военнопленных?

Посол ответил согласием. Платтен сразу же сообщил Ленину о результатах своей встречи.

На другой день Ленин поручил Фрицу Платтену передать германскому посольству в Швейцарии подробные условия проезда русских эмигрантов в Россию. В этих условиях говорилось, что Фриц Платтен выделяется ответственным лицом для сопровождения политических эмигрантов и беженцев, возвращающихся в Россию через Германию. Все связи с немецкими властями эмигранты ведут только через Платтена, и без его разрешения никто не имеет права входить в вагон эмигрантов. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее никакого контроля паспортов или пассажиров не должно производиться. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов и отношения к войне. По возможности проезд должен быть совершен без перерыва. Никто из эмигрантов не должен покидать вагона. Проезд русских разрешается в обмен на германских и австрийских пленных в России...

Фриц Платтен передал эти условия Ромбергу. Тот прочитал их, нахмурился, долго молчал и наконец сказал:

— Видите ли, господин Платтен, в дипломатическом деле не принято, чтобы частное лицо диктовало правительству какого-нибудь государства свои условия проезда через эту страну. Получается так, будто правительство великой Германии просит господина Ульянова и его коллег осчастливить нашу страну своей поездкой по немецкой

земле. Вряд ли мое правительство согласится с требованиями господина Ульянова...

— Как знать, — ответил сдержанно Платтен...

Фон Ромберг обиделся и расстался с посланцем Лени-на очень сухо. Самоуверенный посол не учел, что русские эмигранты не просят одолжения. Они поедут в обмен на немцев и австрийцев, захваченных Россией в плен.

Через два дня немецкое правительство полностью приняло все условия эмигрантов.

— Домой! Домой! Едем домой, Надюша! Едем немедленно! С первым же поездом! — кричал Ленин, прибежав домой.

Потрясая конвертом, он продолжал:

— Немецкое правительство разрешает нам проезд через свою территорию. А там мы свободно едем через Швецию и будем дома. Сбор отъезжающих в Берне...

До отхода поезда оставалось всего лишь два часа. За это время нужно было собрать вещи, расплатиться с хозяином квартиры и лавочником за продукты, взятые в кредит, вернуть книги в библиотеку... И хотя отъезда ждали давно, дел под конец оставалось еще много.

— Мы не успеем, Володя. Поезжай один, а я догоню тебя в Берне, пока вы там будете оформлять документы! — пыталась было возражать Надежда Константиновна.

Владимир Ильич и слышать не хотел:

— Едем вместе. Давай собираться!..

Трогательным было расставание с семьей хозяина квартиры — сапожника Каммерера. Пожимая Ленину руку, рабочий от всей души пожелал:

— Счастливого пути, господин Ульянов! Надеюсь, в России вам не придется работать больше, чем здесь!

— Я думаю, господин Каммерер, что у меня в Петрограде будет еще больше дел!

— Ну, ну, господин Ульянов. Писать больше, чем

здесь, вы все равно не сможете. Найдете ли вы сразу комнату в России?

— Комнату-то я найду. Только я не уверен, будет ли она такой тихой, как ваша, господин Каммерер.

24 марта 1917 года Ленин и Крупская выехали из Цюриха в Берн.

...Многие годы изгнания остались позади. И вот Ленин едет домой, в Россию! «Свободную Россию!» — добавляет мысленно Владимир Ильич. И тут же, спохватившись, спрашивает себя:

«Ой ли? Свободная ли матушка Русь только потому, что народ прогнал царя Романова? Ведь все осталось по-старому...»

И снова пауза в размышлениях. И снова возникает вопрос:

«Так-таки и по-старому? А Советы депутатов? Нет. Это уже другая Россия. При всех условиях другая...»

Размеренно стучат колеса на стыках рельсов. За окном вагона мелькают островерхие черепичные крыши. Поблескивает зеркальная гладь озер. Владимир Ильич смотрит на знакомый пейзаж и возвращается к своим мыслям:

«Выполнят ли немцы обязательство — пропустить русских политических эмигрантов через свою территорию?».

Ленин сознает всю опасность такого пути. Его могут арестовать немцы, которых он не раз клеймил позором за начатую войну. Его могут арестовать и новые правители России. Они уже опубликовали в парижской буржуазной газете «Petit Parisien» сообщение: каждый, кто вернется в Россию через Германию, будет арестован и отдан под суд как государственный изменник.

Министр иностранных дел Временного правительства П. Милюков дал это сообщение для бульварной парижской газеты специально, чтобы запугать русских эмигрантов, помешать их возвращению на Родину через Германию.

Вечером вагон с эмигрантами подходил к Берну. Ленин не раз бывал в столице Швейцарии и жил здесь. Владимир Ильич хорошо помнит тихий, мещанский город, который славится красивыми узкими улицами и башнями, фонтанами и высокими мостиками. Город вблизи Альп и снежных вершин, которые видны из окна почти каждого дома. Город с крутыми черепичными крышами и остроконечными шпилями кирх, расположенный вокруг живописного озера.

Вначале Владимир Ильич жил на улице Доннербюльвег. Чистый, опрятный дом № 11 весь в зелени. Плющ и дикий виноград заплели изгородь, стены. Затем Ильич переселился на тихую улочку Дистельвег, примыкающую к огромнейшему Бремгартенскому лесу, который тянется на несколько километров от городской окраины.

Не раз бродил он по лесным дорогам, усеянным осенними желтыми листьями. В лес обычно отправлялись втроем: Владимир Ильич, Надежда Константиновна и их друг Инесса Арманд, вышедшая недавно из тюрьмы. Во время прогулок Ильич часто рассказывал о своих планах. И, найдившись вдоволь, часами сидели на каменистом склоне гор. Каждый был занят делами: Владимир Ильич делал заметки для статей, Надежда Константиновна изучала итальянский язык, а Инесса Арманд вышивала.

Вспоминая о жизни в Берне, Ленин улыбался. Был там смешной случай. Сняли как-то в одном доме комнату с электрическим освещением. Перевезли чемодан, книги. В это время зашли знакомые. Надежда Константиновна показала гостям, как светит электрическое чудо. Электрическое освещение было тогда новинкой. Только гости ушли, как в комнату с шумом влетела хозяйка. Свиная особа предложила новым жильцам немедленно покинуть ее дом: она не позволит, чтобы днем зажигали электрическую лампочку. Пришлось снять другую комнату.

В Берне Ленин не раз выступал с лекциями и доклада-

ми, написал немало статей. Ему нравились библиотеки города...

И вот Ленин снова в Берне. Его встретили друзья. С вокзала поехали все в Народный Дом. Владимир Ильич хорошо помнит пятиэтажное здание, бывал в нем. А в 1916 году выступал с большой обличительной речью. Обращаясь к швейцарским рабочим и представителям других стран, он говорил тогда:

— Вот уже более полутора лет свирепствует европейская война. И с каждым дальнейшим месяцем, с каждым дальнейшим днем войны для рабочих масс становится все яснее... что это *война капиталистов, крупных разбойников*, которые спорят друг с другом о том, кто из них получит больше добычи, ограбит больше стран...

Ленин энергично ходил по сцене. Он говорил о том, что сейчас правители многих стран утверждают, будто они ведут оборонительную войну. «...И у нас в *России* не только кровавый царизм, не только капиталисты, но и часть так называемых или бывших социалистов говорит о том, что Россия ведет «оборонительную войну»...

Вынув правую руку из кармана, Ленин рубит ладонью воздух и чеканит каждое слово:

— *Ни Россия, ни Германия и никакая другая великая держава не имеют права говорить об «оборонительной войне»:* все великие державы ведут империалистическую, капиталистическую войну, разбойничью войну...

В переполненном зале и на вместительной галерке тишина. Лица участников интернационального митинга становятся более суровыми. А Ленин разоблачает социалистов всех стран, предавших интересы народа, в том числе и русских социалистов, которые пошли заодно с буржуазией. В конце речи Владимир Ильич вновь чеканит каждое слово:

— Растущее недовольство масс, растущее брожение, стачки, демонстрации, протесты против войны, — все это происходит во *всех* странах мира. *И это служит нам ручательством, что после европейской войны наступит пролетарская революция против капитализма...*

И вот Владимир Ильич снова в Народном Доме города Берна. Он сияет от радости. С мальчишеским задором бежит по лестницам пяти этажей, заходит в общий зал, в ресторан. Здесь собираются русские эмигранты со всей Швейцарии. Они с чемоданами, корзинами, баулами. Кругом возня, хлопоты. Ленин приветливо встречает знакомых, расспрашивает о том, как доехали, о настроении.

В гостинице при Фольксхаузе (Народном Думе) Ленину отводят отдельную комнатку, и она сразу же превращается в своеобразный штаб. Здесь всю ночь не гаснет свет.

Владимир Ильич с первого дня подготовки к отъезду в Россию хочет иметь ясность, действует открыто и предлагает документировать проезд через воюющую Германию.

Но тут возникли разногласия среди самих эмигрантов. Большевики во главе с Лениным с самого начала считали, что у них нет другого пути, кроме как через Германию. Временное правительство угрожает арестом, а союзники России — Англия и Франция — не пускают через свою территорию. Меньшевики возражали и предложили ждать разрешения из России.

Разногласия среди эмигрантов встревожили Ленина, и он отправил телеграмму Ганецкому в Стокгольм:

«У нас непонятная задержка. Меньшевики требуют санкции Совета рабочих депутатов. Пошлите немедленно в Финляндию или Петроград кого-нибудь договориться с

Чхеидзе, насколько это возможно. Желательно мнение Беленина. Телеграфируйте Народный Дом, Берн».

Под мнением Беленина Ленин имел в виду мнение Центрального Комитета партии. Но Ганецкий до получения телеграммы Ленина уже имел директиву ЦК из Петрограда и поэтому тут же телеграфировал Владимиру Ильичу:

«Ульянов должен тотчас же приехать. Все эмигранты имеют свободный въезд. Для Ульянова специальное разрешение... Просим непременно сейчас же выехать, ни с чем не считаясь».

Эта телеграмма вселила в эмигрантов-большевиков бодрость, уверенность в споре с меньшевиками. Хлопот, связанных с возвращением на Родину, немало. У многих, живших долгое время в нужде, не было денег на дорогу. А в распоряжении ЦК имелась всего лишь одна тысяча франков. И даже когда часть средств на дорогу получили от товарищей из Стокгольма, Ленин писал Карпинскому в Женеву:

«Денег на поездку мы надеемся собрать человек на 12...».

Ленин предвидел, что болтуны-социалисты разных мастей не ограничатся упреками. Они будут клеветать, травить, чего доброго еще будут подпевать буржуазии и обвинять всех, кто поедет через Германию, в шпионаже в пользу немцев.

И Владимир Ильич внес предложение, чтобы все участники поездки подписали заявление, в котором говорится, что им известны угрозы Временного правительства, но у них нет иного пути. Одновременно они обратились с письмом к швейцарским рабочим, в котором открыто сообщили об условиях поездки. Больше того, Владимир Ильич призвал в свидетели виднейших политических деятелей различных стран, которые подписали специальное заявление, подтверждающее, что «их русские товарищи не

только в праве, но даже обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию».

Заявление это было написано на немецком, французском и русском языках.

Делалось все, чтобы об условиях поездки русских эмигрантов через Германию знал весь мир...

27 марта 1917 года первая группа русских эмигрантов вместе с Лениным уехала из Берна в сторону немецкой границы. Это был субботний день. Радости людей, возвращающихся на Родину, не было предела.

В Цюрихе сделали остановку на несколько часов. Эмигранты отправились осматривать город.

Когда отъезжающие в Россию собрались вместе, Владимир Ильич провел специальное совещание. Он предложил каждому дать подписку под таким текстом:

«Я подтверждаю:

1) что переговоры, которые велись Платтенем с германским посольством, мне сообщены;

2) что я подчиняюсь всем распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3) что мне известно сообщение «Petit Parisien» о том, что русское Временное Правительство проезжающих через Германию угрожает объявить государственными изменниками;

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я беру исключительно на себя;

5) что мне поездка моя гарантирована Платтенем только до Стокгольма».

Закончив чтение документа, Ленин спросил:

— Согласны?

Возражений не было.

Владимир Ильич первый ставит свою подпись: Ленин. Затем подписывается Надежда Константиновна: Ленина. Это был, пожалуй, единственный случай, когда Крупская расписалась псевдонимом Ильича.

За ними ставят свои подписи все отъезжающие. Этот документ Платтен хранит у себя.

Об отъезде русских на Родину знали левые социалисты Цюриха. Они заранее готовились к проводам Ленина и его товарищей, собрали три тысячи франков и закупили для них продукты: дорога дальняя, да и время трудное — война.

Побеспокоились швейцарские друзья и о прощальном обеде. В ресторане «Цюрингер Хоф» собралось много друзей. Среди них Владимир Ильич увидел Харитонову — казначея партийной организации русских большевиков в Цюрихе. Он обрадовался:

— Я так беспокоился, товарищ Харитонов. Думал, что уеду, не повидав вас.

— А что случилось, Владимир Ильич?

Ленин передал ей свою сберегательную книжку.

— Здесь всего лишь пять франков, все наши личные сбережения. Очень прошу вас, заберите эти деньги в банке и примите в уплату наших партийных взносов за апрель. Простите, что я обременяю вас своим поручением. Перед отъездом не хватило времени сделать все самому. Вы уж извините меня...

Уселись за столы, накрытые заранее. И тут заметили среди отъезжающих постороннего человека. Казалось, что все видели его где-то, и не раз. Но кто он? Стали припоминать. Это же врач — Оскар Блюм. Он из России. Его действительно видели в Цюрихе повсюду, где бывали русские эмигранты, хотя он и не связан ни с одной из партийных групп. Вел себя посторонним наблюдателем. Именно наблюдателем. Многие давно уже подозревали, что Оскар Блюм связан с царской охранкой, а живет в Цюрихе, чтобы следить за русскими эмигрантами.

Владимир Ильич посмотрел на Оскара Блюма с презрением и потребовал, чтобы он удалился.

— А как думают остальные товарищи? — спросил Блюм.

Спросили всех. Большинство за то, чтобы Блюм удался.

Блюм покинул ресторан. Но он расстался с эмигрантами ненадолго...

Вокзал в Цюрихе расположен вдоль набережной реки Лиммат. Его громадное здание с овальными нишами на месте окон еще недавно было наполнено шумом людских голосов. Нескончаемым потоком приезжали сюда туристы и курортники из всей Европы и Америки. Война нарушила связи Швейцарии со всеми странами. Громадина-вокзал опустел. А тут на проводы Ленина и его товарищей собрались социалисты города, рабочая молодежь из кружка, которым руководил Владимир Ильич. Пришли немцы, австрийцы, итальянцы, поляки, латыши, жившие здесь в изгнании. Они окружили Ленина, обменивались дружескими рукопожатиями. От всей души желали русским счастливого возвращения на Родину.

Ленин отвечал веселой шуткой. Но ему не удавалось скрыть волнение. Судя по тому, как он часто, как бы вскользь поглядывал на свои часы и на большие часы вокзала, как бы сверяя их, опытный глаз не мог не заметить, с каким нетерпением Владимир Ильич ждал отхода поезда.

Эмигранты сели в отдельный вагон. А Оскар Блюм уже там со своим чемоданом. Это возмутило всех отъезжающих. Пришлось и на этот раз выставить назойливого спутника. Только отделались от Блюма, как вдруг среди публики, суетившейся, как и обычно, на платформе вокзала, появилась шумная группа людей. Они шли вдоль поезда, заглядывая в окна.

— Вот они, изменники!

— Позор!

— Как вы едете?..

Враждебные выкрики меньшевиков и эсеров омрачили радость отъезда.

— Глупцы! — сказал Ленин. — Они обмануты своими вождями и скоро сами поймут, что мы поступили верно. Рано или поздно они последуют нашему примеру!

Наконец кондуктора вагонов закричали:

— Фертих! Фертих..! *

Поезд тронулся. Уезжавшие открыли окна вагона и выставили красный флажок...

С грустью смотрели оставшиеся в Цюрихе товарищи Ленина на уходивший поезд. Среди провожавших был и Анатолий Васильевич Луначарский, который тяжело переживал разлуку с друзьями. Спустя много лет он рассказывал:

— Когда я смотрел на него, улыбающегося на площадке отходящего поезда, я чувствовал, что он внутренне полон такой мыслью: «Наконец, наконец пришло то, для чего я создан, к чему я готовился, к чему готовилась вся партия, без чего вся наша жизнь была только подготовительной и незаконченной».

Помимо хулиганской выходки меньшевиков и эсеров на вокзале, начало пути омрачилось еще одним происшествием. На пустынной пограничной станции Тайнген в вагон вошли швейцарские таможенные чиновники. Они со злобой рылись в чемоданах, грубо разбрасывая вещи, придирались по каждому пустяку. А под конец осмотра отобрали все продукты, кроме хлеба, и часть личных вещей. Отобрали даже шоколад, подаренный социалистами Цюриха.

Женщины просили оставить еду, гневно протестовали. Чиновники были неумолимы. Они ссылались на закон военного времени, запрещающий вывозить продукты из страны.

* Готово (нем.).

Самая молодая из эмигранток — Елена Усиевич — не отдавала своих двух плиток шоколада. Чиновник отнял их силой. Энергичный протест Усиевич привлек внимание всех пограничников.

Фриц Платтен, написавший официальный протест, теперь стоял с безучастным видом. Он, как всегда, в своей широкополой шляпе и в развевающейся пелерине, накинутой поверх пальто. На лице, полном пренебрежения, ироническая улыбка. Елена Усиевич не могла понять, почему этот сильный и смелый человек не поддерживает ее. Это не похоже на Платтена. А он, спустя несколько минут, неожиданно сказал:

— Теперь, Леночка, довольно кричать. Пойдем отсюда...

Он отвел Усиевич в сторону и рассеял ее недоумение:

— Пока они ссорились из-за двух плиток, я взял у них вот это. Тут фунта три шоколада, не меньше. Возьми и спрячь.

При этих словах Платтен с озорством вытащил из-под пелерины свою добычу.

Покидая вагон, таможенные чиновники Швейцарии унесли отобранные вещи и продукты. Такой осмотр на пустынной станции был больше похож на грабеж. У Владимира Ильича отобрали машинку для стрижки волос. Он пользовался ею вместо бритвы. Хорошая была вещь. А Ленин радовался: чиновники оставили нетронутыми все его бумаги.

Кляня таможенных чиновников, занялись укладкой разбросанных вещей и не заметили, как в вагон вошли полицейские.

— Предъявите документы! — грубо потребовал полицейский.

Фриц Платтен, как старший по вагону, заязил новый протест. Он говорил о неприкосновенности вагона...

Комиссар полиции отстранил бумаги Платтена, не читая их, и повторил снова:

— Предъявите документы!

Проверив паспорта, полицейский комиссар предложил всем покинуть вагон без вещей.

— Зачем? Почему без вещей? Таможенные чиновники уже осмотрели их и многое отобрали!..

Полиция Швейцарии не сочла нужным отвечать на вопросы или объяснять свои поступки. Только когда Платтен попытался преградить путь полиции силой, комиссар заявил:

— Мы обязаны проверить количество людей, покидающих нашу страну.

Каждому выходившему через заднюю площадку вагона полицейские выдавали клочок бумажки с порядковым номером и велели держать его поднятым над головой. Проверив тщательно вагон и убедившись, что в нем действительно никто не спрятался, полицейские впускали эмигрантов по одному уже через переднюю дверь, отбирая, как пропуск, бумажки с номерами.

Трудно было поверить, что все это происходило в нейтральной Швейцарии. Невольно думалось:

«Скоро вагон перевезут через границу. Что же ожидать от немцев, воюющих с Россией?».

А немцы легки на помине — уже в вагоне.

Возмущенный Платтен читает немецкому офицеру второй пункт условий, принятых правительством Германии:

«Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтенom. Без его разрешения никто не в праве входить в вагон».

Немецкий комендант козырнул двумя пальцами и, щелкнув каблуками сапог, ответил:

— Комендатур!..

Немецкие солдаты заняли переднюю и заднюю пло-

щадки вагона. Это было похоже на конвой арестованных. Все встревожились. Разгневанный Платтен кричал на офицера, грозил жалобой немецкому правительству. Но офицер, по-прежнему спокойно приложив два пальца к козырьку своей форменной фуражки и щелкнув каблуками, повторил:

— Комендатур!

— При чем здесь комендатура? В вагон никто не имеет права входить, в том числе и комендатура!..

В вагоне внезапно погас электрический свет. Фриц Платтен зажег спичку и подошел к фонарю. Но там не оказалось запасной свечи. За окнами вагона тоже крошечная мгла.

Оказавшись в полном мраке, эмигранты смолкли и насторожились. Наконец, в тишине послышалось шипение приближавшегося паровоза. Наткнувшись на вагон, он ударил его. От сильного толчка заплакали дети, зашумели женщины. Фриц Платтен выскочил на площадку вагона и услышал только свистки да чей-то упрек машинисту:

— Куда смотришь?

— Никуда! — ответил тот сердито. — В темноте все равно ничего не вижу. А фонари зажигать нам не разрешают...

Что все это означало, понять было трудно. А тем временем паровоз-кукушка подцепил вагон и потащил его на немецкую пограничную станцию Готтмадинген...

В закрытом вагоне

Е

хавший в вагоне офицер фон Планиц весьма вежливо и учтиво попросил:

— Пожалуйста, господа! Выходите с вещами. Вы прибыли на территорию великой Германии!

Вежливость офицера, который, видимо, по праву хозяина стал разговорчивым, не произвела на русских эмигрантов должного впечатления. Они отнеслись к нему с недоверием. Угнетающее впечатление произвела и погруженная во мрак станция. Офицер заметил это и, прозялая еще большую учтивость, попросил снова:

— Проходите, господа, в здание вокзала!

Нагруженные чемоданами, узлами с подушками, одеялами и традиционными для русских пассажиров чайниками, эмигранты понуро брели в отведенный для них зал.

Медленно шагал Владимир Ильич, пригибаясь под тяжестью чемодана с книгами и фанерного баула. Рядом — Надежда Константиновна с узлом. За ними шел грузин Давид Сулиашвили, держа в одной руке большую плетенную корзину, а другой подталкивая без конца сползающие с левого плеча цветастые кавказские хурджини*.

Догнав Владимира Ильича, Сулиашвили поставил на землю свою корзину и, желая помочь, попытался забрать у него чемодан. Владимир Ильич, не выпуская из рук вещей, спросил с улыбкой:

— Позвольте, а кто же понесет вашу корзину?

В пустом зале русских эмигрантов встречали какие-то чиновники в штатском. Они пристально присматривались

* Хурджини — два мешка, которые привязываются к седлу лошади.

к каждому, предлагая укладывать вещи на длинный стол, стоявший посредине зала.

Ленин поставил на стол чемодан и баул, а сам отошел к стене. Товарищи окружили Владимира Ильича. Бывалые конспираторы сделали это, по привычке укрыв таким образом Ленина от пристальных взглядов немцев.

Женщины остались с вещами. На стол поставили и детей: трехлетнего Ванюшку и пятилетнего Мишу, ехавших со своими родителями.

Так вот и стояли молча. Эмигранты думали, что немецкие чиновники ждут каких-то распоряжений и сейчас начнут рыться в вещах, по примеру своих швейцарских коллег. А немцы стояли молча, смотрели на русских в упор. Жуткое, гнетущее состояние овладело всеми. Молчание сказалось, конечно, и на детях. Ванюша стал капризничать и в конце концов расплакался. Мише тоже стало не по себе, и он громко спросил с детской непосредственностью:

— Мамуля, почему никто не разговаривает?

Никто из эмигрантов, в том числе и мать Миши, не смогли ответить ребенку на его вопрос. Взрослые сами не знали, чего они ждут.

Томительное молчание прервал вернувшийся офицер фон Планиц. Он с прежней любезностью пригласил:

— Прошу в ресторан. Вещи останутся здесь.

Эмигранты неохотно пошли, хотя и проголодались изрядно. Невольно подумали о чемоданах. Если чиновники Швейцарии швыряли грубо каждую вещь и отобрали продукты, то немцы, видимо, решили устроить таможенный досмотр тайно...

Ужин для эмигрантов оказался нарочито роскошным. Немцы пышно сервировали столы. И, самое главное, положили на них в избытке хлеб. Хлеб без нормы, когда вся страна жила на голодном пайке, — большая роскошь.

Девушки с накрахмаленными кружевными наколками

на головах и в белоснежных передниках разносили на тарелках большие порции отбивных котлет с жареным картофелем. Угощали пивом.

Немцы хотели показать русским, что трехлетняя война нисколько не отразилась на экономике страны. Но эмигранты хорошо знали, что население страны доведено до истощения. Это видно было по худым, бледным, прямо-таки прозрачным лицам официанток. Они все время старательно отводили глаза от еды.

Эмигранты делили одну порцию на двоих, а каждую сэкономленную передавали официанткам. Те с благодарностью принимали и торопливо прятали; забрали со столов и оставшийся хлеб.

После ужина эмигранты пошли на посадку. Немцы не стали проверять ни документов, ни вещей. Зато при выходе на перрон чиновники отсчитывали каждого, тыча в него пальцем:

— Айн, цвай, драй, фир...

Эмигранты вошли в немецкий вагон «микст». Это комбинированный вагон, в котором половина мест мягких, половина — жестких и четыре двери: две с тамбурными площадками при входе и выходе, а две — боковые, через которые можно войти прямо в купе. Немецкие власти закрыли наглухо три двери. Открытой осталась голько одна — задняя. Отсюда и возникла потом легенда, сочиненная врагами революции, о якобы тайном проезде Ленина через Германию в запломбированном вагоне.

Купе при входе заняли два офицера, выполнявшие функции охраны, проводников и представителей немецких властей. Одно купе отвели целиком под багаж. Остальные места — пассажирам.

В вагоне началась обычная суета, хлопоты. Стали укладываться спать, а мест для всех не хватало. Было принято мудрое решение: женщинам отдать мягкие места, мужчинам — жесткие и спать на них по очереди. Со-

ставили список очередности, а Ленина и Крупскую не включили в этот список. Владимир Ильич спросил шутя:

— Вы, вероятно, решили, что мы всю дорогу будем любоваться пейзажами Германии?

— Нет, Владимир Ильич, мы выделили вам отдельное купе, чтобы вы имели возможность работать в пути, — ответил Платтен.

Уговорились строго соблюдать условия проезда через Германию, не выходить из вагона и никого не впускать к себе, не разговаривать с немцами, чтобы не давать повода для провокаций.

— А мы уже допустили нарушение, — сказал грузин Цхакая, показав кивком головы на купе с немецкими офицерами.

— Это другое дело, — ответил Ленин.

— Согласен. Офицеры — официальные представители немецкого правительства и наши телохранители, — заметил Фриц Платтен. — Но в поезде едет член генеральной комиссии немецких профсоюзов Вильгельм Янсон, который специально прибыл из Берлина, чтобы встретиться с нами на границе.

— Вильгельм Янсон? — удивился Ленин. — Этот оппортунист, призывавший немецких рабочих к войне с Россией?

— Я ответил ему отказом. Напомнил, что нашему вагону предоставлено право неприкосновенности. Но он настойчив. И на пороге у нас он обязательно появится: в вагоне есть частица немецкой территории — купе с офицерами.

— Тогда надо установить границу внутри вагона...

— Об этом, Владимир Ильич, я уже побеспокоился, — ответил Фриц Платтен, доставая из кармана кусочек мела.

Находчивость Платтена рассмешила всех. А он провел мелом черту по коридору и объявил:

— Государственная граница между революционной Россией и Германией установлена...

Позвав немецких офицеров, Платтен объявил:

— Граница! Никто, кроме меня, не имеет права переходить ее.

— Согласны, — иронически улыбаясь, ответили немецкие офицеры и удалились в купе.

Но немцы не такие уж простаки, за которых они себя выдавали. И они небезразличны к своим попутчикам.

Офицеры Платц и Бюринг — работники генерального штаба немецкой армии. Это разведчики, знающие русский язык, хотя и делающие вид, что ничего не понимают. Они получили специальный приказ генерала Эриха Людендорфа: сопровождать русских эмигрантов в закрытом вагоне, подслушивать их разговоры, разведывать планы и настроения.

Эмигранты до поздней ночи не могли заснуть. Долго ворочались и капризничали дети. Матери никак не могли понять, что тревожит малышей. И только когда сами легли в постель, разгадали — клопы.

В эту ночь Ленин долго не ложился спать. Приблизившись к фонарю со свечой, он читал и что-то записывал.

Поезд мчится где-то на северных склонах Альп, петляя по ущельям. Выскочив в долину садов и виноградников, он бежит вдоль бурного и стремительного Неккара, берущего свое начало в горах Швейцарии.

В воскресенье утром поезд подходил к Штутгарту. Ленин еще издали увидел трубы заводов и шпили церквей. За шумом поезда он не мог слышать колокольного звона. Но ему казалось, что глухие звуки колоколов плывут на большом городе и гаснут там же, не в силах уйти за его пределы.

Штутгарт! В столице земли Баден-Вюртенберг свыше

полумиллиона жителей. Здесь знаменитые на весь мир типографии, театры, музеи, консерватории. В Штутгарте родился Гегель. В Штутгарте, как и на рудниках Рура или в порту Гамбурга, наиболее организованный рабочий класс.

...Поезд остановился. Вагон окружили полицейские.

Немецкий офицер, ехавший с эмигрантами, грубо закричал:

— Опустите шторы на окнах!

Этот же офицер пригласил Платтена выйти на перрон. Там уже стоял начищенный и сияющий Вильгельм Янсон. Раскланиваясь, улыбаясь и снимая при этом свой котелок, Янсон просит поздравить русских «товарищей» с добрым утром и передать им привет от генеральной комиссии немецких профсоюзов.

— Благодарю вас за приветствие, господин Янсон, только от своего имени. А как отнесутся к нему товарищи (Платтен произнес это слово особенно подчеркнуто), судить не могу. Думаю, что не совсем доброжелательно. Уж больно неприятное утро сегодня в Штутгарте, — ответил Платтен, показывая на усиленный наряд полиции, окруживший поезд.

Это нисколько не смутило Янсона, он нагло настаивал на своем желании встретиться с Лениным.

— По условиям проезда русских эмигрантов через Германию входить в наш вагон никому не разрешается. И это вам хорошо известно, господин Янсон, — сдержанно ответил Платтен.

— Мне можно, — настаивал Янсон.

— Это я выясню у Ленина и отвечу вам завтра.

— Почему так много времени требуется для ответа?

— Встреча с вами, господин Янсон, дело серьезное и ответственное. Мы должны всесторонне обсудить ваше предложение.

Платтен рассказал эмигрантам о своих дипломатических переговорах с Янсоном. Они весело смеялись.

Поезд покинул неприветливый Штутгарт. Эмигранты подняли шторы на окнах, позавтракали, разделив хлеб на равные пайки, и повеселели. Миша и Ванюша затеяли беготню по узкому коридору. Взрослые тоже постепенно собрались в коридоре. Эмигранты запели понравившуюся почему-то всем песню «Нас не в церкви венчали...» Вслед за ней в вагоне зазвучала песня революционеров «Не плачьте над трупами павших борцов». А потом подхватили песню французских революционеров «Карманьолю». Пели на французском языке и «Марсельезу».

Фриц Платтен, не принимавший участия в хоре, как главное административное лицо вагона заметил с укором: — А вот эти песни сейчас неуместны. Мы едем не одни. Немцы враждебно относятся к «Карманьоле» и «Марсельезе». В особенности, когда их поют на французском языке.

— Ну и плевать на них, — засмеялась молодежь...

Ленин не принимал участия в пении. Закрывшись в своем купе, Владимир Ильич работал. Он делал наброски документа, ставшего историческим и названного впоследствии «Апрельскими тезисами».

Все знали, что Владимир Ильич любит песню. А соберется хор — он неперенный его дирижер. Почему же сейчас Ленин не выходит? Решили спросить об этом самого Ильича. Тихо подошли к его купе и запели.

— Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман!..

Улыбающийся Владимир Ильич вышел с листками в руке.

— Что же, друзья, если обращение к атаману относится ко мне, то ваш вопрос вполне уместен. И я готов ответить: дума моя единственная и заветная — о роли пролетариата в революции. Вот, извольте послушать...

Владимир Ильич читает товарищам наброски своих

тезисов, над которыми работает в дороге. В тезисах сжато, но с удивительной пронизательностью и дальновидностью определяет он пути партии от Февральской революции к социалистической, которая должна вырвать власть из рук буржуазии и передать ее рабочему классу и беднейшему крестьянству.

В закрытом вагоне Ленин сохранял распорядок своего рабочего дня: строго по часам устраивал перерывы на отдых. Выходил в коридор вагона и, заложив руки за спину, прохаживался. Вот и сейчас он остановился у окна, напряженно думал.

Мысленно Ленин давно уже в России.

От размышлений его отвлекали бегавшие по коридору дети. Владимир Ильич, наблюдая за их беготней, делал вид, будто не замечает ребят, не интересуется ими. Миша быстро почувствовал это. Он все чаще и чаще поглядывал на задумчивого и неразговорчивого дядю, который стоит немного у окна, заложив руки в карманы или за спину, и снова закрывается в своем купе. И только Ленин, закончив перерыв, ушел в свое купе, как Миша и Ванюша тоже отправились к нему.

— А, приятели! Заходите, заходите...

— А что ты делаешь? — спросил запросто Миша.

— Читаю.

— А что ты делаешь? — спросил маленький Ванюша, подражая товарищу.

— Пишу.

— Почему ты сказал мне, что читаешь, а Ванюше сказал, что пишешь? — спросил Миша.

Прищутив иронически глаза, Ленин посмотрел на Крупскую, как бы спрашивая ее: «Вот и попробуй, поговори с ними». Но Надежда Константиновна знала, что Ильич в разговоре с детьми никогда не подлаживался под их лепет. И даже с самыми маленькими он говорил, как со взрослыми. Детям это нравится. У них быстро устанавли-

вается с ним тесный контакт. Владимир Ильич и на этот раз ответил Мише и Ванюше серьезно:

— Я действительно занят двумя делами: читаю и пишу.

— А что ты читаешь и пишешь?

Этим вопросом Ленин был поставлен в затруднительное положение: не рассказывать же малышам о роли Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в революции. Вместо ответа Владимир Ильич обнял Мишу и, посадив его к себе на колено, сказал:

— Видишь ли...

— И я хочу к тебе, — взмолился Ванюша.

Дела отложены. Миша и Ванюша сидят у Ленина на коленях. Он рассказывает им какую-то забавную историю. Мальчики заливаются смехом. А Владимир Ильич, посматривая искоса на Мишу, начинает рассказывать небылицу:

— Сидели рыбы на дереве и пели песенки. Потом взмахнули крыльями и улетели...

Миша сразу же протестует:

— Рыбы не летают.

— Летают и поют, — шутит Владимир Ильич.

— Рыбы плавают! — сердится Миша.

Владимир Ильич ссаживает мальчиков со своих колен, снимает пиджак, засучивает рукава и с нарочито грозным видом говорит:

— Что ж, Миша, давай бороться. Чья возьмет, тот и прав!..

Мальчик только сейчас понял шутку. Начинается потасовка. Они тузят друг друга кулаками, барахтаются, пыhtят. В поединке за истину победил, конечно, Миша.

— Ну-с, друзья, а теперь я опять буду и читать и писать, а вы идите погуляйте...

Весь воскресный день поезд шел вдоль полноводного Рейна. Владимир Ильич чаще делал перерывы в работе, подходил к окну и задумчиво смотрел вдаль.

— Ты посмотри, Надюша, даже в этом плодородном районе страны видны пагубные последствия войны.

— Да, я тоже заметила... Даже на маленьких станциях запустение. В деревнях только женщины и дети. А если попадаются мужчины, то обязательно в военной форме.

Во Франкфурте-на-Майне в вагон к русским прорвались немецкие солдаты...

Визит немецких солдат был полной неожиданностью для русских. Они не успели осмыслить случившееся, как молодые парни в военном, смущенно улыбаясь, стали угощать всех пивом:

—Пожалуйста! На здоровье!..

Освободившись от кувшинов, солдаты пожимали эмигрантам руки. Один из парней спросил:

— Кто есть Ленин?

Дружелюбие немецких солдат, их улыбки настолько поразили Владимира Ильича, что он машинально протянул солдату обе руки и ответил по-немецки:

— Я Ленин...

Солдат, волнуясь, обнял Владимира Ильича и, обращаясь к своим товарищам, сказал:

— Социал-демократ! Большевик! Вождь русской революционной партии!

Чувствовалось, что солдат знал о Ленине. И, видимо, читал его статьи против войны. Обращаясь к русским, он пояснил:

— Рабочие мы. Тоже социал-демократы.

— Из партии Шейдемана? — спросил Ильич.

— Да, — смущенно ответил солдат.

Рабочие парни плохо разбирались в разногласиях между политическими партиями. Но они отлично знали, что их вождь Шейдеман стоит за войну. А Ленин всегда был против войны. Вот они и пришли приветствовать Ленина и его товарищей. Хотели узнать лично у Ленина, когда же

наступит мир? Они надеялись, что революция в России приблизит окончание войны...

Так вот и случилось, что Ленин, проповедовавший всегда мир и дружбу между народами, встретился с немецкими солдатами. Эта встреча потрясла его. Он долго говорил о ней с товарищами.

В набросках к тезисам о задачах пролетариата в революции, над которыми работал Владимир Ильич во время поездки, он записал отдельной строкой слово:

«Братанье»:

Позже он не раз возвращался к этому слову в своих выступлениях и статьях. Однажды, отвечая на вопрос, нужно ли поощрять братанье, ответил:

— Да. Это полезно и необходимо.

Встреча немецких солдат с Лениным очень встревожила германские власти. После случая во Франкфурте-на-Майне вагон с русскими эмигрантами усиленно охранялся. На многих станциях поезд вообще не останавливался днем. Немцы старались как можно быстрее прогнать его через свою территорию.

Ночью прибыли на Потсдамский вокзал, расположенный на юге Берлина. Чтобы попасть на поезда, идущие на север страны, нужно переехать городским транспортом на другой вокзал. Вагон с эмигрантами перегнали на север немецкой столицы по окружной дороге, поставили в тупик и взяли под усиленную охрану полиции, переодетой в штатскую одежду. Тут даже Фриц Платтен не имел права уходить от вагона.

В 7 часов 15 минут 30 марта вагон с русскими эмигрантами отбыл от Штетинского вокзала в Берлине и в тот же день к вечеру пришел в немецкий город-порт Засниц, расположенный на севере страны. Там уже ждал их шведский пароход «Треллеборг».

Вагон подкатили прямо к пристани. Трап подали до самых ступенек вагона. Эмигранты с нетерпением ждали

момента, когда смогут покинуть свою «темницу». Так в шутку называли они вагон, в котором почти на каждой станции приходилось занавешивать окна. Никто не ожидал, что начнется проверка. А немцы любят точность. Они открыли двери и, тыча пальцем в каждого, идущего по трапу, считали:

— Айн, цвай, драй, фир!..

Немецкий офицер считал до тридцати двух. Убедившись, что количество русских в закрытом вагоне не убавилось и не прибавилось, успокоился.

Стоявшие наготове шведские моряки тут же убрали трап, отдали швартовы, и пароход отошел от немецкого берега.

Дорог каждый день

тормило. На крутой волне вздымались пенистые гребешки. Водная громадина била о борт корабля, забрасывая брызги на палубу.

После тесных кают и узкого коридора в вагоне, после длительного пути без прогулок, эмигранты вышли все на просторную палубу. Они встряхнулись от своеобразного заточения в вагоне, расправили шире плечи и глубоко дышали свежим морским воздухом.

Перед их взором раскинулись просторы Балтики.

Владимир Ильич ходит по палубе. Его внимание привлекает мелодия «Дубинушки». Это товарищи собрались в носовой части парохода и поют русскую песню.

После долгого изгнания люди возвращаются домой, навстречу Революции. И если они пели в закрытом вагоне, то как же им не петь в открытом море, где дышится привольно и легко. А слова другой песни звучат, как призыв:

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет,
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем...

Ветер крепчает, волна растет. Пассажиры укрылись в каютах. Почувствовав озноб от свежего морского ветра, ушла с ними и Надежда Константиновна. На палубе осталась пятерка отважных. В числе этой пятерки — Ленин. Он стоит у самого борта, наблюдает за разбушевавшейся морской стихией.

Брызги набежавшей волны ливнем хлынули на палубу и обдали Владимира Ильича с головы до ног. А он смеется, стряхивая с пальто воду.

— Это вам подарок, товарищ Ленин! — говорит Давид Сулиашвили. — Первая дружеская волна из революционной России приветствует вас...

Ленин на время покидает палубу, идет в салон, а там тревога: все заполняют длиннющие анкеты полицейского опроса. Ленину тоже предложена такая же анкета. Служащий парохода предупреждает: кто не заполнит документы, не сойдет на берег!

— Что это означает? — спрашивают товарищи у Владимира Ильича.

— А сие означает, что немцы, кажется, основательно надули нас. Они не задержали на своей земле, чтобы не брать на свою душу греха перед международным общественным мнением. А шведской полиции дали знать, кто едет на пароходе. Теперь эти господа возьмутся за нас...

Эмигранты встревожились. Нужно было срочно решать: стоит ли Ленину указывать в анкете свою настоящую фамилию? Владимир Ильич сам ответил:

— В опросных листах кроется какая-то каверза. Укажем фиктивные фамилии.

А в это время на корабль пришла радиограмма:

«Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли г-н Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин и детей?»

Капитан, конечно, не знал, что господин Ганецкий — друг Ульянова. Не знал он и того, что эмигранты подписали свои анкеты чужими фамилиями. Поэтому он, не найдя в представленных документах господина Ульянова, хотел было отправить на берег отрицательный ответ. Но почему-то решил спросить еще самих пассажиров. Капитан вошел с бумагой в руке в салон, где собрались встревоженные эмигранты, и спросил:

— Есть ли на пароходе господин Ульянов?

Всех охватило еще большее волнение. Владимир Ильич не сомневался, что предположения оправдались: капитан пришел арестовать его. Скрывать уже нечего. На чужом пароходе не спрячешься. Да и в море не выпрыгнешь. Ленин сделал шаг вперед и, сдерживая волнение, ответил:

— Я Ульянов. Что вам угодно?

Капитан показал радиограмму. Владимир Ильич прочел ее и, сияя от радости, ответил:

— Момент!..

Узнав содержание радиограммы, эмигранты тоже вздохнули с облегчением: в шведском порту их встречают друзья. Теперь и полицейская анкета для приезжающих в Швецию — пустяки. Через несколько минут Ленин передал капитану ответную радиограмму на берег:

«Г-н Ульянов приветствует г-на Ганецкого и просит заготовить билеты».

Ночью 30 марта причалили в шведском порту Треллеборг.

Горячие приветствия друзей, объятия, поцелуи. Кто смахивает с глаз слезу. Короткие расспросы о проезде через Германию, о самочувствии, о новостях из России.

Через пятнадцать минут отходит поезд. Билеты уже куплены. Остается пройти таможенный досмотр, проверку

документов: порт Треллеборг — пограничная застава Швеции. И вдруг — приятная новость: таможенные чиновники сочувственно относятся к революции в России. Они готовы всячески помочь русским эмигрантам быстрее вернуться на Родину. Они уже читали о Ленине, знают, что он ступил на шведскую землю. Чиновники просят только показать им вождя русской революции. Пришлось исполнить просьбу шведов. Они быстренько проверили документы, а вещей «не заметили», показывая знаками: торопитесь на поезд. Счастливого вам пути!..

Сели в отдельный вагон. На этот раз без всякой охраны. Полная свобода. Хочешь — подходи к широким окнам с зеркальными стеклами. Они не занавешены. Хочешь — выходи на остановках, с кем угодно разговаривай. Приятное чувство свободы и безопасности.

Путники воспользовались гостеприимством шведов и на первой же станции — в городе Мальмё — отправились в ресторан. Там их ждал горячий ужин.

Владимир Ильич ничего не ел. Он сидел рядом со своим товарищем — видным деятелем польского и русского революционного движения Ганецким и шведским журналистом Гримлундом и обсуждал положение в России.

— Теперь я верю, что в России революция. Если русских эмигрантов не притесняют, а угощают — это лучшее тому доказательство, — сказал Миха Цхакая, наливая себе большой бокал красного вина.

Цхакая оказался прав. Русских эмигрантов не только хорошо угощали. К ним выехали навстречу представители шведских левых социал-демократов. Всю ночь шла беседа в купе у Ленина. А утром на одной из станций под Стокгольмом вагон эмигрантов атаковали журналисты. Возвращением Ленина в Россию интересовалась почти вся пресса мира. Эмигранты предвидели это и заранее условились никаких сообщений для печати не давать.

Пришлось пойти на хитрость: на все вопросы отвеча-

ли, не открывая рта и весьма однообразно — показывали молча на Ленина. По мнению эмигрантов, этот жест должен был означать: «обращайтесь к нему, он расскажет».

Журналисты восприняли иначе:

«Русские не понимают шведского языка», — и повторяли свои вопросы по-немецки, по-английски, по-французски.

Русские продолжали молча указывать на Ленина. Наконец итальянский журналист заговорил на своем родном языке, считая, видимо, что русские его поймут. Результат тот же. Тогда француз вынул из кармана словарь. С большим трудом составил фразу и спросил по-русски:

— Ваше самочувствие? Как ехали через Германию?..

Журналисты бросились к нему, полагая, что наконец-то найден выход и они поговорят с русскими хотя бы с помощью словаря. Но русские и на этот раз отрицательно качали головами, показывая опять на Ленина. У журналистов создалось впечатление, что знаменитый Ленин путешествует в сопровождении большого количества глухонемых людей.

На другой день в газете шведских левых социал-демократов «*Politiken*» появилось короткое сообщение, которое объяснило поведение русских при встрече с журналистами.

«Наши друзья, — писала газета, — не хотели давать никаких интервью. Вместо интервью приехавшие передали через «*Politiken*» прессе и общественности коммунике о поездке.

— Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию *как можно скорее*, — с жаром сказал Ленин. — Дорог каждый день. Правительства приняли все меры, чтобы затруднить поездку.

— Вы встретились с кем-нибудь из немецких товарищей по партии?

— Нет. Вильгельм Янсон из Берлина пытался встре-

тить нас в Лингене у швейцарской границы. Но Платтен отказал ему, сделав дружеский намек на то, что он хочет избавить Янсона от неприятности такой встречи».

Это единственное интервью, которое Ленин дал корреспонденту газеты «Politiken».

И еще одному шведскому журналисту посчастливилось. Отто Гримлунд ехал в одном купе с Лениным от Мальмё до Стокгольма, и между ними всю ночь шла оживленная беседа. Тут уж у собеседников была взаимная заинтересованность. Ленин подробно расспрашивал Гримлунда о политических партиях Швеции, их численности, влиянии в парламенте, в профсоюзах. Спрашивал о забастовках рабочих, о молодежи.

Когда настала очередь Гримлунда задавать вопросы, он вытащил из кармана корреспондентский блокнот, ручку и быстро записывал каждое слово Ленина. Собственно, Гримлунду не пришлось задавать Ленину много вопросов. Он сам подробно рассказал об отношении партии большевиков к Февральской революции в России, ругал Керенского, решительно осуждал продолжение грабительской войны. Закончил Ленин беседу со шведским журналистом четко сформулированными задачами партии большевиков:

— Вся власть в руки рабочих Советов! Мир и земля! Ганецкий, который до этого сидел молча, теперь долго и подробно информировал Владимира Ильича о последних событиях в Питере.

Приехали в столицу Швеции Стокгольм 31 марта в 10 часов утра. Встречать Ленина и его товарищей пришли с красными флагами местные социал-демократы, депутаты парламента, журналисты, фотографы. Такой встречи эмигранты совсем не ожидали. На вокзал приехал и сам бургомистр города — Карл Линдхаген. Он лично знаком с Лениным, с особым уважением относится к нему и к созданной Владимиром Ильичем партии большевиков.

Бургомистр повез гостей в самую роскошную гостиницу города — отель «Регина». В ее коридорах, холлах, на лестницах — всюду ковры, дорожки, мягкая мебель, зеркала, драгоценные вазы, скульптурные украшения. Посетители гостиницы в дорогих костюмах или смокингах, парадных сорочках с накрахмаленными манишками и манжетами. А Владимир Ильич, Миха Цхакая и остальные эмигранты в ветхих, поношенных пальто с обтертыми рукавами. Владимир Ильич в грубых подкованных сапогах. Идет по мрамору лестниц, цокает каблуками. Портье и горничные смотрят на разношерстную публику в бедной одежде и не понимают, почему сам бургомистр так учтив и любезен с этими людьми? Кто они, откуда?

Русские эмигранты заняли восемнадцать свободных номеров. Мест для всех не хватило. Хозяин гостиницы любезно разместил их на отдых в просторной гостиной и даже в библиотеке.

Шведский писатель-интернационалист Фредрик Стрём, знавший хорошо Ленина, поднялся к нему в номер, чтобы просить Владимира Ильича задержаться в Стокгольме на несколько дней или хотя бы до завтра и выступить на собрании шведских социал-демократов. Он застал Ленина склонившимся над картой Европы и измерявшего полоской бумаги и карандашом расстояние от Стокгольма до рыбацкого поселка Хапаранда, на севере Швеции, и от финского города Торнео до Петрограда. Обменявшись рукопожатием и выслушав просьбу Стрёма, Владимир Ильич ответил энергично:

— Что вы, что вы! Мы уезжаем сегодня же вечером. Дорог каждый час! По моим подсчетам через 48 часов мы уже будем в Петрограде...

Стрём настаивал на своей просьбе. Ленин ответил:

— Охотно пошел бы навстречу желанию шведских товарищей, но план нашей поездки нерушим.

Друзья уговаривали Ленина прилечь, отдохнуть хоть

немного. Ведь он всю ночь не спал — разговаривал с Ганецким и шведом Отто Гримлундом. Но Владимир Ильич и слушать не хотел об отдыхе.

Однако Стрём не упустил случая встречи с Лениным и попросил его высказаться о характере русской революции.

— Русская революция, — сказал Ленин, — находится только в самом начале. Она является продолжением революции 1905 года. Она остается еще буржуазной революцией, вызванной войной и возмущением рабочих. Эта буржуазная революция должна быть превращена в рабочую революцию. Буржуазия хочет продолжать войну. Мы будем требовать хлеба, мира и свободы. Кадеты, октябристы и помещики настроены благожелательно по отношению к буржуазной революции в надежде избежать рабочей революции и крестьянского мятежа. Мы должны создать правительство рабочих, солдат и крестьян.

— Не может ли раскол сил революции вызвать ее гибель? — спросил Стрём.

— Напротив! Революция пойдет на убыль, если мы не будем действовать и не возьмем на себя руководство. Русская революция даст сигнал для начала революции в Германии, Австрии и Польше. Если это будут пролетарские революции, они смогут победить. Если это будут мелкобуржуазные революции, то они станут орудием в руках капиталистов, и власть достанется крупному капиталу. Мы должны учиться у французской революции и у Парижской коммуны. Наши партийные товарищи, правые социал-демократы, не понимают этого. Они слепы в отношении истории и времени.

Стрём спросил Ленина:

— Каковы перспективы революций в Европе?

— Русская революция освобождает вас от военной опасности. Финляндия должна стать свободной, первая из всех государств. Также Польша и Прибалтийские госу-

дарства. Революционная Россия должна освободить все народы, захваченные и угнетенные царизмом. Немецкая революция должна освободить Польшу, Эльзас-Лотарингию и Шлезвиг, австрийская революция — Богемию и Венгрию и т. д. Это освобождение не может принести буржуазная революция, его принесет только революция пролетарская, у которой нет капиталистических интересов.

— Каковы перспективы теперешней империалистической войны?

— Империалистическая война должна перерасти в войну гражданскую. Мы идем навстречу веку грандиозных войн и революций. Совершенно новый общественный порядок не может быть осуществлен в один день или один год. Революция является локомотивом развития, а локомотив ведем мы. Русская революция только начало—Vorgspiel.

Беседа между Лениным и Стрёмом шла на немецком языке. Поэтому Ленин, желая оттенить слово Vorgspiel, сказал на русском языке:

— Vorgspiel — это как в музыке прелюдия, а в театре — пролог!

— Каковы, на ваш взгляд, судьбы демократии? — спросил Стрём.

— Социальная революция осуществит подлинную свободу и демократию... Диктатура пролетариата означает централизацию сил, но она не отменяет демократию.

Владимир Ильич высказал Стрёму желание своих товарищей встретиться с руководителями шведских левых, чтобы узнать, считают ли они проезд русских эмигрантов через Германию верным поступком?

— Да, конечно, такая встреча возможна. Наши товарищи уже ждут вас внизу, — ответил Стрём.

Спустились в ресторан завтракать. Большой длинный стол с белоснежной скатертью уставлен закусками. За спиной каждого эмигранта — официант. После убогой эми-

грантской столовой в Цюрихе и скудных обедов, состоявших порой из куса селедки с черным хлебом, русские революционеры чувствовали себя неловко в роскошном ресторане. Смущал резкий контраст их одежды с окружающей обстановкой, особенно после того, как увидели себя во весь рост в зеркале рядом с нарядными, щеголеватыми шведами.

Позавтракав, эмигранты перешли в соседний просторный зал. Там их ждали представители шведской социал-демократической партии, журналисты. Один из редакторов газеты «Политикен» подарил Владимиру Ильичу свежий номер газеты. Ленин увидел на первой полосе свой портрет и удивился: как он попал в газету? Ведь это та самая фотография, которую он посылал Ганецкому в Стокгольм. Вот уж не думал Ленин, что фотография, посланная в тайнике книги, будет опубликована на первой полосе газеты. Шведы, заметив удивление Ленина, сообщили:

— А мы печатаем эту фотографию уже второй раз...

Под портретом Владимира Ильича статья:

«Приезд в Стокгольм крупного революционера. Ленин с 30 товарищами проездом через Стокгольм».

Ленин читает телеграфное сообщение из Лондона. Английское правительство взбешено тем, что немцы согласились пропустить русских революционеров через свою территорию. Англичане грозят задержать Ленина на финской границе. Там у них свой политический контроль.

Тут же решили обсудить угрозу англичан на совещании русских эмигрантов и шведских социал-демократов.

Председательствовали на этом совещании К. Линдхаген и В. И. Ленин. После обмена приветственными речами шведы присоединились к документу, принятому в Берне, и тоже засвидетельствовали: русские эмигранты ехали через Германию только потому, что у них не было другого пути вернуться на Родину.

Владимир Ильич благодарит шведских товарищей. Бургомистр Линдхаген отвечает четырехкратным «ура!» и заканчивает свою речь словами:

— Шведы желают вам счастливого пути!

Ленин тут же из гостиницы посылает телеграмму председателю Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о необходимости обеспечить группе политических эмигрантов, выезжающих из Стокгольма, беспрепятственный проезд через русскую границу. Отправив телеграмму, Владимир Ильич торопит товарищей идти в город.

Шведы во главе с бургомистром сопровождают Владимира Ильича и его товарищей по улицам красивейшего города Европы. Они идут прямо посредине мостовой. Бургомистр пытается рассказывать Владимиру Ильичу о городе. Но Ленин отлично знает шведскую столицу — не раз бывал здесь. У него в городе два важных и неотложных дела. Он в первую очередь отправился к русскому генеральному консулу и получил официальную визу на въезд в Россию. А потом пошел в книжный магазин и закупил новинки литературы.

Шведские друзья решили оказать Владимиру Ильичу и его товарищам материальную помощь. Правда, об этом уже подумали и товарищи Ленина в Питере, прислав в Стокгольм деньги. Но одно другому не мешает. У эмигрантов слишком много расходов. Депутат парламента Фабиану Монсону обошел многих социал-демократов, рабочих, депутатов парламента и собрал несколько сот крон. У кого не оказалось наличных денег, вносили облигации займа.

Шведы нашли повод и завели Ленина в универмаг. Они сами переговорили с приказчиками и быстро подобрали для него демисезонное пальто с черным бархатным воротником, костюм и прочие вещи. Купили даже зонт, похожий на трость.

Новую одежду купили и другим эмигрантам, а затем

отправились в гостиницу «Регина» на прощальный обед.

Русские то и дело спрашивали:

— А мы не опоздаем на поезд?

— Ваш поезд отходит вечером, — отвечали им.

Но желание поскорей уехать домой было так велико, что эмигранты не стеснялись повторяться. Им хотелось знать, не забыли ли шведы про какой-нибудь поезд, отходящий раньше.

Большевики создали в Стокгольме свое Заграничное бюро Центрального Комитета партии: для связи с социалистами других стран, для правдивой информации зарубежных друзей о революции в России. Ленин оставил у друзей все свои бумаги. Так безопаснее.

Настало долгожданное время отъезда. Провожать русских собралось много народа. У некоторых в руках цветы.

Ленин, окруженный шведскими товарищами и русскими друзьями, идет во главе этой своеобразной демонстрации. Несмотря на усталость, он полон энергии. Оживленно разговаривает с Карлом Линдхагеном, что-то поручает Ганецкому, который остается за границей.

Демонстрантов сопровождают шведские фотографы. Они идут по обоим тротуарам и без конца фотографируют русских. А те каждый раз отворачиваются от съемок или прикрывают лица руками. Русские революционеры настолько свыклись с необходимостью скрываться от шпионов, что даже здесь проявляют настороженность. Только Владимир Ильич, видимо, решил, что от съемок не уйти, да и скрывать свое возвращение нечего. Он чувствует себя непринужденно. Некоторые из этих фотографий сохранились до наших дней.

У вагона эмигрантов собралось более ста человек провожающих. Идет обмен рукопожатиями. Одни высказывают пожелания доброго пути, другие благодарят за гостеприимство. Ленин в центре внимания. Он обходит друзей, прощается с ними. В последний момент вспоминает о

шведских деньгах — остатке после многочисленных расходов и передает Ганецкому триста крон и на такую же сумму шведские облигации. Вот и все «богатство», которое имел Ленин перед приездом в Россию.

Владимир Ильич медленно поднимается в вагон, открывает окно и приветливо машет стоящим на перроне. В вагоне открываются и другие окна. Отъезжающие машут флажками, платками, букетиками цветов.

Какой-то рослый мужчина взобрался на тумбу, огибающую осветительный фонарь, и, держась одной рукой за чугунный столб, горячо заговорил по-русски.

Дрожащими от волнения голосами все запели «Интернационал». В 6 часов 37 минут вечера поезд с русскими революционерами ушел на север Швеции.

Родная земля!

Гостеприимная столица Швеции осталась позади. В вагоне воцаряется тишина. Каждый занят своими мыслями: впереди Родина. В купе слышны только равномерное постукивание колес на стыках рельсов да шуршание газетных страниц. Вдруг раздается гневный возглас Ильича, который резко поворачивается, прислоняет газету к стене и подчеркивает карандашом какие-то строки:

— Предатели!

Никто из присутствующих в купе не спрашивает Ленина, кого это он «гвоздит». Товарищи достаточно хорошо знают Ильича и безошибочно догадываются, что он обрушивается на меньшевиков.

Так оно и есть.

— Социал-демократы?! — восклицает Владимир Ильич. — Мне, большевику, стыдно называться социал-демократом, когда меньшевики подличают на каждом шагу, предают интересы партии и именуют себя тоже социал-демократами.

После небольшой паузы Владимир Ильич говорит:

— Нет, друзья. Прежнее название партии позорит нас, большевиков...

Ленина никто не перебивает, ожидая, что сейчас он сам все объяснит.

— Надо изменить название нашей партии, — заключает Владимир Ильич. — Мы должны называться коммунистами, а наша партия — коммунистической. Коммунистами называли себя и Маркс и Энгельс. А меньшевистские вожди социал-демократии ничего общего не имеют с коммунизмом.

Этот вопрос, видимо, уже давно волнует Ленина, но, может быть, именно здесь, в вагоне, возвращаясь на Родину, чаша его терпения переполнилась. Видимо, в те дни Ленин и записал: «перемена названия партии».

Разговор о названии партии продолжался и на следующий день. Развивая свою мысль, Владимир Ильич заявил:

— Мы с ними, конечно, сотрудничать не будем!..

Поезд мчится на север Швеции. Его путь лежит через дивные леса с вековыми соснами и равнины, сверкающие зеркалами озер, по ущельям с быстрыми студеными реками и вдоль скалистых берегов Балтийского моря, изрезанных фиордами.

И чем ближе к границе, тем сильнее тревожит Владимира Ильича угроза Временного правительства арестовать и судить каждого, кто придет через Германию, угроза англичан не пустить Ленина в Россию.

В Цюрихе Владимир Ильич предложил каждому отъезжающему дать подписку в том, что ему известна угро-

за Временного правительства. И сейчас Ленин хочет услышаться с товарищами, как держаться и что говорить на суде в случае ареста.

Владимир Ильич попросил Давида Сулиашвили собрать всех в коридоре вагона. Речь Ленина была короткой:

— Если нас будут судить, наши слова не должны носить характер защиты. Наоборот, мы должны будем сами обвинять Временное правительство в том, что оно не позаботилось о нас...

Ранним морозным утром высадились в пограничном поселке шведских рыбаков — Хапаранда. Столпились на крылечке небольшого дома, где можно выпить чашку черного кофе. Но русским эмигрантам не до еды.

На том берегу залива — пограничный город Торнео — родная земля! Видны крыши домов. На здании вокзала — красный флаг.

Красный флаг в России! *.

Женщины-эмигрантки достали из чемоданов алые ленты и прикололи каждому путнику нагрудные банты.

Елена Усиевич вспомнила, что у нее в чемодане лежит красный платочек. Тоже достала его и прикрепила к трости мужа. Получился красный флажок.

Пограничные пункты двух государств разделены рекой, впадающей в морской залив. Объезжать залив далеко. Ленин и его спутники спешат. И они решают ехать напрямик по льду, на вейках — узеньких финских санках с лошадиной упряжкой. С трудом собрали нужное количество упряжек с коренастыми лохматыми лошадьми, словно одетыми по-зимнему, и скорее в путь.

Обоз растянулся — санки за санками. На передних — Ленин и Крупская. Им передали и флажок.

Туман окончательно рассеялся, и выглянуло багряное

* До 31 декабря (18 декабря ст. ст.) 1917 года Финляндия входила в состав России.

солнце. Настало утро нового дня — знаменательного дня в жизни Ленина и его спутников.

Странное чувство охватило всех. Это особое волнующее чувство обычно обостряется на границе, когда человек покидает Родину или возвращается с чужбины. Оно почти необъяснимо, это чувство, перерастающее в известную болезнь — ностальгию (тоску по Родине). Человек, страдающий этой болезнью, мучается годами. Никакие лекарства не помогут. И стоит ему ступить на родную землю, как все его душевные страдания кончаются. С таким именно чувством и возвращались русские политические эмигранты на Родину. Кто-то из них тихо заплакал: нервы сдали.

Владимир Ильич внешне спокоен. Он пристально и молча смотрит вдаль...

Первые санки остановились. Постепенно подъезжают ехавшие следом товарищи. Они поздравляют друг друга с возвращением на Родину. Слышны радостные возгласы:

— Земля! Родная земля!

— Вот она, наша Россия!

В этот момент к русским эмигрантам подошли вооруженные английские жандармы, контролировавшие шведско-русскую границу на правах союзников России, и грубо потребовали пройти на пограничную заставу.

На заставе всем дали заполнить «Опросный лист пассажира русского подданного, прибывшего из-за границы через пограничный пункт Торнео». Ленин, написав фамилию, имя и отчество, год и место рождения, написал, что едет из Швеции — «отель Регина, Стокгольм». И дальше: «В Финляндии останавливаться не предполагаю; в Петрограде останавлиюсь у сестры Марии Ильиничны Ульяновой по Широкой ул., д. 48/9, кв. 24; по профессии — журналист».

Затем английские жандармы начали досмотр вещей и личный обыск.

Каждого вводили в отдельную комнату, приказывали снять одежду. С Миши и Ванюши сняли даже чулки. Охранники всюду искали улики для ареста Ленина.

Выходит, не зря он оставил свои рукописи у шведских друзей...

Владимир Ильич сохранял полное спокойствие. Заметив разочарование жандармов, вынужденных пропустить всех политических эмигрантов на Родину, он весело рассмеялся, радостно обнял Мihu Цхакая и сказал:

— Наши испытания окончились, товарищ Миха! Теперь мы уже на своей земле. Мы им еще покажем, что являемся действительно хозяевами будущего!..

— Ваши слова сбудутся, как всегда, Владимир Ильич.

— Это почему же, товарищ Миха, вы причисляете меня к пророкам-ясновидцам?

— А помните наш уговор год назад?

— В Женеве?..

...Весной 1916 года Ленин приехал в Женеву, чтобы выступить с докладом перед русскими эмигрантами. Об этом узнал и Миха Цхакая, который тогда жил в Женеве. Он болел, но не мог усидеть дома и пришел на собрание.

После доклада Ленин и Цхакая пошли в библиотеку Куклинова, в которой Владимир Ильич должен был ночевать. Спать не хотелось. Взяв ключ от комнаты, Ленин с Михой Цхакая в сопровождении еще одного грузинского революционера — Мелитона Филия — пошли гулять по берегу реки Арвы. (В 1906 году Мелитона Филия судил в Тифлисе военно-окружной суд за участие в революционном движении. Во время перерыва в судебном заседании Филия бежал, уехал за границу и там познакомился с В. И. Лениным.)

Была чудесная тихая лунная ночь.

Ленин заговорил о положении в России. Ни одна встреча русских эмигрантов не обходилась без разговора

о Родине. Тосковали все, кто жил на чужбине. Вот **Миха Цхакая** тут и спросил **Ленина**:

— Дождемся ли мы с вами, **Владимир Ильич**, новой революции? Вернемся ли мы на родину?

Ленин удивленно взглянул на **Цхакая** и спросил:

— А сколько вам лет, товарищ **Миха**?

— С лишним пятьдесят. А вам?

— Не так далеко от этого, больше сорока пяти.

Немного помолчав, **Ленин** продолжал:

— Что ж, если мы не дождемся революции, то вот он, — **Владимир Ильич** указал на юного **Мелигона Филия**, — во всяком случае дождется.

Миха Цхакая ответил:

— Дорогой **Ильич**! Я все-таки думаю, что мы с вами тоже увидим новую революцию. Она может свершиться скоро, вот увидим...

— Товарищ **Миха**! Я очень рад, что вы хорошо чувствуете себя даже вдали от Родины...

Ленин видел, как быстро нарастает революционная ситуация. В то время он думал о созыве съезда большевиков России. Нужно было во что бы то ни стало усилить подготовку к социалистической революции. Когда он заговорил об этом, **Цхакая** спросил:

— Сколько нужно делегатов для такого съезда?

— Хоть десять, даже семь, даже и пять, но только чтобы они действительно были настоящими представителями масс, настоящими революционерами, большевиками и подпольщиками. Хотя бы по одному делегату от **Петрограда**, **Москвы**, **Кавказа**, **Урала**, **Донбасса**, **Сибири** — и почти довольно. Мы объявим наше собрание настоящим всероссийским съездом...

Ленин и **Цхакая** расстались на заре. Они условились встретиться не позже чем через год, чтобы вместе ехать в Россию.

— Революционную Россию, — добавил Ленин...

И вот Ленин и Цхакая встретились ровно через год и едут в Россию — революционную...

Пройдя унижительный обыск, эмигранты пришли на станцию Торнео. Там их ожидал скорый поезд № 12 до Петрограда. В самом хвосте состава для эмигрантов отведен отдельный пассажирский вагон третьего класса. Его охраняют вооруженные матросы и рослые бородатые солдаты-крестовики. Так назывались солдаты-ополченцы, носившие ранцы на ремнях, скрещенных на груди.

Охрана никого не пускает в вагон, кроме эмигрантов. Вокруг них собралась толпа солдат.

«Было уже все свое, милое: плохонькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было», — вспоминала потом Н. К. Крупская.

Эмигранты помоложе смешались с толпой солдат, забросали их вопросами: как в Питере? Что делают Советы депутатов? Почему солдаты не кончают с войной?..

Остальные эмигранты вошли вместе с Лениным в свой вагон и смотрели, как их товарищи быстро разговорились с солдатами, обмениваются табаком.

Солдаты улыбаются. Что-то рассказывают оживленно. Особенно приятно было видеть, как Миша взобрался на руки к пожилому солдату, обнял его ручонкой за шею и смеется, что-то рассказывая.

Владимир Ильич наблюдает всю эту картину и очень переживает. С каким наслаждением он сам поговорил бы сейчас с русскими солдатами! Находясь далеко от Родины, он не раз обращался к ним в своих статьях, опубликованных в газетах. А сейчас стоит рядом и не решается выйти из вагона, боясь дать повод для провокации.

Ленин смотрел с опаской на вооруженную охрану и не понимал своего положения: свободен он, вернувшись на родную землю, или стал арестантом, сев в этот вагон, охраняемый матросами и солдатами? Не ожидал он такой

встречи, переезжая границу. Ленин спросил стоящего рядом товарища:

— А не повезут ли нас в этом вагоне прямо в тюрьму? Я не верю двойственному поведению Керенского!

Собеседник пожал недоуменно плечами.

— Я и сам уже подумал об этом.

Поезд отошел от станции Торнео. Солдаты, говорившие с эмигрантами, разнесли по вагонам весть:

«Ленин едет!»

А эмигранты полны впечатлений от встречи с солдатами. Они наперебой сообщают отрывочные сведения о Петрограде, о положении в стране. Кто-то из них принес в вагон «Газету-Копейку». Владимир Ильич быстро прочитывает ее до единой строчки.

На какой-то станции матрос из охраны принес Владимиру Ильичу свежий номер «Правды». Он читает ее с большим интересом.

Жгучее желание лично поговорить с солдатами берет верх. Ленин в сопровождении своих товарищей идет в соседний вагон. Вокруг них быстро собираются солдаты, матросы, рабочие, едущие в поезде. Они уже знают, что вождь русского пролетариата возвращается на Родину и просят его сказать несколько слов.

— Говорите сначала вы. Мне в первую очередь хочется знать, нужна ли вам война?

Сидящий напротив В. И. Ленина солдат отвечает, что без полной победы над немцами войну кончать нельзя. Ему возразили сразу несколько солдат, осуждающих войну. На них грубо закричал поручик. Владимир Ильич сказал, не повышая голоса:

— Спокойно, друзья. Говорите по порядку, иначе у нас не получится делового разговора.

Все смолкли. Солдат-оборонец (так называли тех, кто был за войну) настаивал на своем:

— Расея-матушка любя-дорога нам. Мы должны оборонять ее.

Выходило, что солдат-оборонец прав. Он призывал защищать Родину.

— Допустим, что война будет «до победного конца», как вы говорите. А потом что делать станете?

— Воткну свою винтовку штыком в землю и пойду домой.

— В этом ваша вторая ошибка. Вернетесь домой, а земля по-прежнему осталась у помещика. Он не отдаст ее добровольно. Землю надо будет забирать у него силой, с оружием. А винтовка ваша осталась где-то. Войну нужно закончить, только заключив справедливый мир...

Ленин осторожно задает вопросы и внимательно слушает. Он заговорил не сразу, и его речь перед собравшимися в вагоне солдатами была необычна. Он говорил о земле, о мире, о необходимости передать всю власть народу — Советам рабочих и солдатских депутатов. Говорил медленно, подбирая простые, доходчивые слова.

Не поздоровилось тем, кто пытался оправдать войну.

Послушать Ленина набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, заняли все полки, чтобы лучше слышать и видеть человека, который говорил так просто.

Нескоро разошлись участники своеобразного митинга. А придя на свои места, загудели, как растревоженный улей. Каждый передавал другим слова ленинской правды.

— Ленин всей душой за народ! — говорили солдаты.

Владимир Ильич вернулся в свой вагон, взволнованный первой встречей с русскими солдатами. Он молча ходил по узкому коридору. Его встревожило воинственное настроение некоторых солдат.

«В борьбе с этими настроениями нужна будет твердая настойчивость. Нужны терпение, умение, подход. На-

до смелее идти в массы, больше разъяснять...» — пришел к выводу Ленин.

За окном видны весенние поля. Над равниной курится туман, окутывая легкой дымкой голые еще деревья. Изредка мелькают деревни с покосившимися крышами домов. Видны люди.

Родная земля!...

Возвращение

Небольшая железнодорожная станция Белостров переполнена народом. Встречать Ленина пришли с красными флагами рабочие Сестрорецкого оружейного завода, собрались железнодорожники. К ним присоединились солдаты, охранявшие станцию. Сюда же приехали из Питера члены Центрального и Петроградского комитетов партии большевиков, сестра Ленина Мария Ильинична, родственники и друзья эмигрантов.

Вечерело. Накапывал дождик. Но никто и не думал расходиться.

Томительное ожидание осталось позади. К перрону медленно подходит поезд. Из вагона выглядывают удивленные пассажиры: кого это встречают? А публика, собравшаяся на вокзале, всматривается во все вагоны.

Приветственные возгласы слышатся из хвоста поезда. И вдруг все увидели радостного, улыбающегося Ленина, его товарищей. Раздались возгласы: «Ура!», «Ильич приехал!», «Наш Ильич вернулся!».

В воздух полетели шапки, картузы.

Ленин стоит на площадке вагона и, подняв обе руки, приветствует собравшихся. Увидев сестру, он быстро со-

скакивает, бросается к ней в объятия. Рукопожатия товарищей и друзей. К Владимиру Ильичу подходят незнакомые рабочие, сердечно обнимают его, поздравляют с благополучным возвращением на родную землю.

И снова раздаются возгласы «ура!».

Рабочие поднимают Ленина на руки и несут к зданию вокзала.

Владимир Ильич смущен. Он не привык к таким почестям, возражает и пытается встать на землю.

Ленин взволнован до предела — слишком много противоречивого в один день: унижительный обыск на границе, вооруженная охрана в поезде, разговор с солдатами в вагоне и эта торжественная встреча.

Просторный зал буфета набит до отказа. Все хотят услышать Ленина.

Владимир Ильич сказал несколько слов.

Митинг закончился. Буфетчик быстро накрывает столы и настойчиво просит Ленина и его спутников пообедать.

— Прошу вас, господа-граждане! Не откажитесь от хлеба-соли, по русскому обычаю!..

Еда показалась исключительно вкусной. То ли от того, что повар постарался (он знал о приезде Ленина и готовился), то ли от того, что эмигранты проголодались.

Стали расплачиваться, а буфетчик денег не берет.

— Что вы? Что вы, господа-товарищи? Вы сейчас самые дорогие гости русского народа. Я считаю за честь угощать вас...

Вернулись в вагон. Вооруженные матросы стоят вокруг вагона, у входа в него и даже на крыше. Трудно понять, кого они охраняют. Ленин снова подумал, что их всех арестуют по приезде в Петроград, и предупредил своих товарищей: используем каждое выступление в суде против Временного правительства. Ильич спросил сестру:

— А нас не арестуют в Питере?

В ответ Мария Ильинична и сидевшие рядом товарищи загадочно улыбнулись.

Волнение не покидает Владимира Ильича. Он сильно возбужден и выходит в коридор вагона. А там оживление. Эмигранты разговаривают с солдатами и матросами.

Утомительное путешествие завершается. Через несколько минут — долгожданный и родной Петроград. За окнами крошечная тьма. Ленин не раз подходит к окнам и пристально смотрит сквозь стекла, пытаясь найти ориентиры, определить, где идет поезд. В окно не видно ни огонька, ни просвета...

Все уже одеты. Пиджак и пальто на Ленине не застегнуты. Он держит обеими руками шляпу и барабанит по ней пальцами: волнуется. Смотрит на часы и, наклонившись к Надежде Константиновне, говорит шепотом:

— Поздний час. Удастся ли нам добыть извозчика?

Крупская пожала плечами и, повернувшись к Марии Ильиничне, повторила вопрос Владимира Ильича. Та улыбнулась и ответила многозначительно:

— Не беспокойтесь. Извозчика мы вам найдем!..

Марию Ильиничну волновало другое.

Возвращения Ленина ждали в Питере давно. И вдруг сегодня утром она получила телеграмму из пограничного города Торнео. Владимир Ильич просил сестру встретить его. Это была личная телеграмма, и Ленин, конечно, не рассчитывал на какие-либо торжества.

Мария Ильинична отнесла телеграмму во дворец Кшесинской (там находился Петроградский комитет партии большевиков), успела предупредить о приезде Владимира Ильича кое-кого из товарищей, а сама поспешила на вокзал и уехала в Белоостров — навстречу брату. Вот она и думала сейчас не об извозчике, конечно, а о другом: сумеют ли товарищи из Петроградского комитета партии предупредить рабочих? Ведь сегодня — второй день пасхи. Фабрики и заводы не работали. Солдаты по-

лучили отпуска из казарм и разбрелись по городу. В этот день не работали даже трамваи, не выходили вечерние газеты.

И, несмотря ни на что, большевики решили превратить встречу Ленина в мощную демонстрацию революционного народа.

Но как известить Питер о приезде Ленина?

Единственная надежда на живую связь. И в рабочие кварталы города, в воинские казармы, на боевые корабли Балтийского флота помчались гонцы...

Успеют ли? Смогут ли собрать людей?

На эти мучительные вопросы в течение всего дня ждали ответа и во дворце Кшесинской.

Восьмой час вечера. Вблизи Финляндского вокзала появилась первая колонна рабочих Выборгского района. Вместе с ними — солдаты лейб-гвардии Московского полка. Они занимают на привокзальной площади центральное место. Как раз напротив выхода из бывшего царского павильона. К ним присоединяются красногвардейцы — колонна вооруженных рабочих Петроградского района.

Гремит оркестр. Встречать Ленина идет еще какая-то воинская часть. А вот чеканят шаг матросы флотского экипажа с оркестром.

Площадь перед вокзалом — словно огромная чаша. Она постепенно заполняется людскими потоками. В какое-то мгновение эти потоки хлынули сразу со всех прилегающих к вокзалу улиц. Площадь колышется знаменами и кумачовыми лозунгами, звенит песней, клокочет медью духовых оркестров.

— А хорошо бы вывести к вокзалу броневые машины. Пусть Владимир Ильич увидит боевую силу, которой уже обладают большевики Питера, — предложил Николай Подвойский — один из руководителей военной организации городского комитета и ЦК РСДРП(б).

В дни Февральской революции солдаты броневоего дивизиона захватили дворец Кшесинской. Эти солдаты перешли на сторону большевиков, передали Петроградскому комитету партии дворец и остались охранять его. Люди надежные. На них можно положиться. Но дивизион подчинен командованию военного округа. И за вывод боевых машин на улицы солдатам грозит военно-полевой суд. Командир дивизиона не решается.

— Надо поговорить с солдатами, — настаивает Подвойский...

Колонны рабочих, солдат и матросов все идут и идут в сторону Финляндского вокзала. На площади для них уже нет места, и они занимают все прилегающие улицы.

А вот появились и броневики. Яркими лучами фар они врезаются в колонны. Люди теснятся, расступаются. Машины медленно проходят через всю площадь — поближе к «царскому павильону». Два броневика остановились по обе стороны выхода из вокзала — там, где пройдет Ленин.

Солдаты пошли на риск и вывели свои машины из гаражей. Вместе с ними прибыли к вокзалу и прожектористы инженерной роты...

Три с лишним часа стоит у Финляндского вокзала многотысячная толпа людей в ожидании Ленина.

В 11 часов 10 минут ночи показались огни долгожданного поезда. Он замедляет ход. Слышен скрип тормозов, шипение паровоза. Поезд останавливается.

На подножке одного из вагонов — Ленин.

— Смир-р-но! — раздается команда начальника почетного караула, состоящего из матросов, революционных солдат и отряда вооруженных рабочих.

Несколько военных оркестров заиграли «Марсельезу». Воздух потрясает многотысячное «ура!»

Ленин насторожился и, немного растерявшись, спросил стоявшего рядом Бонч-Бруевича:

— Что это?

— Революционные войска и рабочие Питера собрались встретить вас, Владимир Ильич.

Ленин с удивлением смотрел на вооруженных людей, застывших в едином строю. Еще больше удивился он, когда к нему подбежал в парадном мундире, весь начищенный до блеска и с шашкой наголо молодой офицер. Офицер с особой торжественностью рапортовал о составе почетного караула, представился: «капитан Максимов», и тут же почему-то обратился к Ленину с речью, которую закончил словами:

— Вся революционная Россия ждет, что вы займете подобающее место во Временном правительстве!

Ленина, выступавшего не раз против Временного буржуазного правительства, призывали войти в состав буржуазного правительства?! Слушая это, Владимир Ильич едва сдерживал смех. Но в данный момент он был озабочен больше другим: что должен делать человек, в честь которого выстроен почетный караул?

На помощь пришел Бонч-Бруевич, подсказавший шепотом:

— Надо пойти вдоль строя и обратиться к караулу с краткой речью.

Владимир Ильич так и поступил. Он сделал несколько шагов назад, чтобы видеть всех, и сказал:

— Товарищи!..

Наступила тишина. С большим волнением говорит Владимир Ильич о величайшем значении революции...

— А теперь, — продолжает Ленин, — вам хотят посадить другого царя — капитал. Но не капиталистам должны принадлежать фабрики и заводы, а вам, не помещикам земля, а крестьянам...

Ленин закончил свою речь призывом:

— Да здравствует социалистическая революция!

По перрону покатилося «ура!».

Только Максимов был очень огорчен речью Ленина. Он понял, что проявил усердие не по разуму. На другой день Максимов опубликовал в буржуазных газетах письмо, в котором отказался от своего приветствия Ленину.

Владимира Ильича провожают в «царскую комнату» вокзала. Он идет быстро, смотрит пристально. Весь подтянут, напряжен.

Еще недавно в парадных комнатах вокзала мог останавливаться только царь и его свита. А сейчас тут собрались приветствовать Ленина делегаты от рабочих и солдат. От имени Петроградского комитета партии большевиков Владимиру Ильичу преподносят букет красных роз. Он с благодарностью принимает их и передает Надежде Константиновне. И, несмотря на эти почести, Ленин весь насторожен. Он приготовился к атаке. Ведь, помимо рабочей делегации, в «царской комнате» присутствуют меньшевики и эсеры. Они заодно с Временным правительством. Это они захватили большинство в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Здесь и председатель этого Совета — меньшевик Чхеидзе.

По праву «хозяина города» Чхеидзе обращается к Ленину с приветствием:

— Все мы рады вашему приезду...

Но с первых же слов Чхеидзе все присутствующие почувствовали, что он лжет.

Меньшевики и лично Чхеидзе приложили немало усилий, чтобы задержать, а если возможно, то и совсем не пустить Ленина в Россию. А сейчас Чхеидзе говорит:

— У нас теперь все мирно, все слаженно. Петроградский Совет надеется, что Ленин не будет вносить раздора в наши ряды и мирно, в согласии со всеми, пойдет завершать то дело...

Ленин окинул оратора быстрым взглядом и отвернулся от него. Глядя на группу рабочих, Ленин улыба-

нулся, как бы спрашивая их: «Слышали, что он предлагает? Он хочет, чтобы мы жили с ними в «мире и согласии».

Затем Ленин, словно не замечая присутствия «хозяина города», обратился к рабочим и солдатам:

— Размах русской революции, — сказал он, — всколыхнул весь мир. Однако это только начало. Рабочий класс России вместе с революционными солдатами превратит буржуазно-демократическую революцию в революцию социалистическую...

Иронически посмотрев на Чхеидзе, Владимир Ильич продолжал:

— Завязалась смертельная борьба. Самую гнусную роль в этой схватке пролетариата с буржуазией играют всевозможные социал-предатели, прихвостни буржуазии. Рабочему классу не по пути с ними! Никакого соглашения с партиями, идущими на поводу у капиталистов!..

Чхеидзе вскочил, как ужаленный. Второпях он застегнул верхнюю петлю пальто не на ту пуговицу да так и помчался к выходу.

Ленин вышел из «царской комнаты», чтобы поехать к сестре. Своей квартиры в Петрограде у него не было. Владимир Ильич и не подозревал, что встречать его, помимо почетного караула и людей, стоявших на перроне и на привокзальной площади, собралась многотысячная толпа народа.

По обе стороны входной двери — два броневика, словно часовые революции. Ослепительные лучи военных прожекторов скользят по площади, освещая колонны людей, над которыми колышутся красные знамена, сверкает сталь штыков вооруженного пролетариата и революционных солдат. На многих знаменах надписи:

«Привет Ленину!»

Луч света озарил Владимира Ильича, стоявшего на

ступеньках парадного входа в вокзал. К Ленину подошел секретарь Выборгского райкома партии, старейший питерский рабочий И. Чугурин и вручил Владимиру Ильичу партийный билет № 600.

Ленин взволнован. Крики «ура!», аплодисменты, звуки оркестров слились воедино. Нескоро Ленину удалось обратиться к собравшимся у вокзала с краткой речью...

Друзья усадили Владимира Ильича и Надежду Константиновну в приготовленный для них закрытый легковой автомобиль. Но рабочие и солдаты окружили машину тесным кольцом, и она не смогла тронуться с места. Люди не хотели так быстро расстаться с Лениным, они хотели услышать слово Ильича.

— Давайте-ка устроим иначе, — предложил Подвойский.

Ленину помогли встать на мотор легкового автомобиля, и он сказал несколько слов.

Толпа снова шумит: не всем видно Ильича!

В этот момент от здания вокзала подошел один из броневиков. Рабочие и солдаты подняли Ленина на руки и поставили на башню машины. Кто-то из рабочих тоже поднялся на броневик со знаменем в руках и стал позади Владимира Ильича. Ленин стоит на фоне красного знамени, подняв правую руку, обращенную к народу. Проектор осветил эту символическую картину. Теперь его видят все собравшиеся на площади.

Закончив речь, Владимир Ильич спустился на подножку машины, и она медленно тронулась в путь.

Так началось торжественное шествие от Финляндского вокзала к дворцу Кшесинской. Впереди броневика — отряд красногвардейцев, с трудом расчищавший дорогу. По бокам, взявшись крепко за руки, товарищи Ленина. За броневиком, заполнив всю улицу, двигались рабочие, солдаты, матросы.

Был уже третий час ночи, а на улицах Питера, на всем пути следования броневика стоял восторженный гул, слышались революционные песни. Броневик останавливается через каждые десять-пятнадцать минут. Он останавливается на углу Нижегородской и Финляндской улиц, у Сампсоньевского моста и на Дворцовой улице. Останавливается на перекрестках улиц, где новые толпы людей преграждают путь машине, чтобы видеть и слышать Ленина. И каждый раз Владимир Ильич обращается к народу хотя бы с двумя-тремя фразами приветствия.

От Финляндского вокзала до дворца Кшесинской — всего три версты. А броневик с Лениным прошел этот путь за два с лишним часа!

Ночь была прохладной. Ленин стоял на подножке броневика с непокрытой головой, держа в руке свою шляпу.

— Вы бы надели шляпу, Владимир Ильич, простудитесь, — сказал водитель броневика М. Оганьян.

— Нет, молодой человек, я не могу этого сделать. Я считаю своим долгом приветствовать героический пролетариат Петрограда с непокрытой головой.

Броневик остановился у дворца Кшесинской. Ленин идет во дворец, выходит на балкон и снова выступает. В эту ночь ему пришлось выступать несколько раз.

В одной из комнат на втором этаже был накрыт стол для товарищеского ужина. Собрались родные и близкие Ильича, товарищи по революционной борьбе и эмиграции. Но ужин продолжался недолго. В соседних комнатах дворца ждали встречи с Лениным десятки людей. Владимир Ильич узнал, что среди них представители различных губерний, приехавшие в Петроград на Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Ленин не мог упустить случая встретиться с посланцами всей России.

Перешли в зал, расположенный рядом с зимним садом.

Туда перенесли и столы. Торжественная встреча началась с приветствий и поздравлений Ильичу. Когда один из товарищей кончил говорить, Ленин встал, опередив другого оратора, и сказал:

— Я полагаю, товарищи, что довольно уже нам поздравлять друг друга с революцией!

Полтора часа говорил Ленин о задачах партии большевиков в данной революции. Отвечая на призывы некоторых товарищей жить в мире с Временным буржуазным правительством, Владимир Ильич решительно заявил:

— Не надо нам парламентарной республики! Не надо нам буржуазной демократии! Не надо нам никакого правительства, кроме Советов рабочих, солдатских и батрацких депутатов!

Долго длилась задушевная беседа Ленина со старой партийной гвардией.

За окном забрезжил рассвет. Стали расходиться по домам. Настроение у всех приподнятое. Шли и с наслаждением вдыхали воздух родного Петрограда. Шли через Неву, которую не видели много лет, шли по мостовым улиц, где дорог каждый камень.

А в это время к Нарвской заставе возвращались с демонстрации рабочие-путиловцы Иван Озеров и Федор Лемешев. Делились впечатлениями о встрече с Владимиром Ильичем. Старый мастер Иван Озеров сказал:

— Умер сегодня старый Ванька. На его место встал теперь питерский пролетарий Иван Васильевич Озеров, который нашел «свою ось».

В эту историческую ночь многие рабочие, слушавшие Ленина, нашли «свою ось».

По Каменноостровскому, в сопровождении товарищей и родственников, шел Ленин. Он шел на квартиру к сестре, жившей на Широкой улице. Несмотря на усталость, Владимир Ильич бодр, весел.

— Завтра обязательно соберемся, — говорили друзья Ленина.

— А завтра, о котором вы говорите, уже наступило, — сказал Владимир Ильич, показывая на зарево.

Над Петроградом занималась заря нового дня.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
В России революция! _____	3
Домой! Домой! _____	20
В закрытом вагоне _____	35
Дорог каждый день _____	46
Родная Земля! _____	58
Возвращение _____	67

МАКРУШЕНКО Павел Ильич

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Редактор Л. Ланина

Худож. редактор Е. Соколов

Техн. редактор А. Ковалевская

Корректор Р. Колокольчикова

Оформление Н. Фидлера

и А. Ординарцева

А 12569. Сдано в набор 19/VIII 1967 г. Подписано к печати 25/IX 1967 г. Формат бумаги 70×108/32. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,25. Печ. л. 2,5. Условн. печ. л. 3,50. Уч.-изд. л. 3,44. Тираж 40 800. Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 2888. Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 11 коп.

11 коп.

Индекс
70073

ИДЕТ ПОДПИСКА
на 1968 год!

Серия
научно-
популярных
брошюр

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА КПСС

Индекс 70092

Брошюры этой серии посвящены вопросам истории КПСС и политики партии на современном этапе. Они пропагандируют теоретическое наследие основоположников марксизма-ленинизма, материалы партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС.

В 1968 году подписчики серии «История и политика КПСС» получают 12 брошюр, среди них:

Березкин А. В., докт. истор. наук. **Внешняя политика Советского государства и пролетарский интернационализм.** **Рубцов Н. Ф.** **Партия и комсомол (к 50-летию ВЛКСМ).** **Петренко Ф. Ф.** **Научные основы руководства КПСС.** **Мостовой С. Н.** **Ленинские принципы идейно-воспитательной работы на современном этапе.** **Заварухин Ю. И.** **Партийные группы на современном этапе.** **Рыбаков М. В.** **КПСС — политический вождь и организатор советского народа.**

Стоимость подписки на год — 1 руб. 08 коп.

В каталоге «Союзпечати» серия «История и политика КПСС» расположена в разделе «Научно-популярные журналы» под рубрикой «Брошюры издательства «Знание».